РОВЕСНИК

РОВЕСНИК

ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

Ноябрь, 1976 год, № 11

На первой странице обложки: трубу варят не спеша, с осторожностью и желательно под красивым зонтиком. Так обеспечиваются три условия: качество сварки, качество профессиональной подготовки строителя и качество жизни на газопроводе Оренбург — Западная граница СССР.
Фотопортер И. Гаврилов сделал этот снимок на венгерском участке трассы.

СТРОЙКА СЭВ ОТ ОРЕНБУРГА ДО ЗАПАДНОЙ ГРАНИЦЫ СССР

О ней рассказывают в этом номере журналисты из шести братских стран.

ДЕЛИ. В университете индийского штата Керала восьмой год работает факультет, готовящий специалистов по русскому языку. В 1975 году здесь учились 134 студента, сейчас же их число значительно увеличилось. После завершения образования выпускники факультета будут работать учителями в школах и колледжах. На сегодня в стране успешно трудятся около 500 специалистов-русистов, окончивших Керальский университет.

БЕЛГРАД. 14 тысяч юношей и девушек Югославии работали на строительстве железнодорожной магистрали Белград — Бар, соединившей кратчайшим путем две входящие в СФРЮ республики — Сербию и Черногорию. Более 1 миллиона 200 тысяч часов отработали они добровольно, внесли весомый вклад в эту уникальную для Балкан стройку. Новая магистраль открывает широкие перспективы сотрудничества Югославии и Совета Экономической Взаимопомощи.

ГАВАНА. Успешно решается на Кубе задача всеобщего начального образования. В этом году численность учащихся в общеобразовательных школах превысила 3 миллиона человек, что на 2,2 миллиона больше, чем в 1958 году. Народная власть обеспечила всем кубинцам право на бесплатное обучение.

На снимке: на занятиях в начальном классе.

МОНТЕВИДЕО. Как сообщает агентство «Пренса Латина», в одном из армейских бараков в Уругвае под пытками скончалась молодая коммунистка, студентка Сильвина Салдана. Она была арестована в июне этого года по обвинению в принадлежности к коммунистической партии и в течение всего периода ареста подвергалась издевательствам. «Пренса Латина» указывает, что за последние 6 месяцев в стране арестовано около 1500 патриотов.

ВАШИНГТОН. С чувством глубокого беспокойства воспринимает американская общественность наращивание Соединенными Штатами гонки вооружений. Рекордный для мирного времени военный бюджет, дополнительные ассигнования на строительство боевых кораблей, производство новых видов вооружений — все это вызывает бурные протесты. Сотни юношей и девушек провели массовый поход, пройдя от Калифорнии до Вашингтона на тысячи километров под лозунгом борьбы против роста военных расходов. В Нью-Йорке состоялась демонстрация бабушек, матерей и дочерей. В столице манифестанты пикетировали Белый дом и Пентагон.

На снимке: манифестация в Нью-Йорке. «Наши дети имеют право на будущее!» — написано на одном из плакатов.

ВСЕМИРНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

ВСЕМИРНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

ЛОНДОН. Сегодня в британских университетах, медицинских колледжах, других учебных заведениях занимается несколько десятков тысяч иностранных студентов. Какие-нибудь десять лет назад стоимость обучения для всех учащихся была одинаковой. Но с 1967 года выходцам из других стран предложили платить в 3,5 раза больше, а с 1976 года их взнос был увеличен еще на треть. Кроме того, общежитие обходится им теперь втрое дороже. Академическое руководство сообщило, что все это вынужденные меры, поскольку в стране наблюдается повсеместный рост цен. Среди студентов решение властей, рассматривающих образование в конечном счете как прибыльный товар, вызвало глубокое возмущение. «Мы развернем широкую кампанию протеста против подобных действий и такого рода дискриминации», — заявил Тревор Филипс, один из лидеров Национального союза студентов Великобритании.

ХЕЛЬСИНКИ. В Президиум Всемирного Совета Мира (ВСМ) продолжают поступать сообщения о ходе кампании по сбору подписей под новым Стокгольмским воззванием. Эта акция, проводимая по инициативе ВСМ под лозунгом «Остановить гонку вооружений! Сделать разрядку международной напряженности необратимой!», нашла горячий отклик у людей доброй воли на планете. Мужчины и женщины, рабочие и государственные деятели, студенты и представители интеллигенции, сотни миллионов людей своими подписями скрепили волю народов к миру. Советский комитет защиты мира объявил, что более 170 миллионов граждан Страны Советов уже подписали воззвание, тем самым еще раз подтвердив основной вывод XXV съезда КПСС — непреклонную решимость советского народа отстоять мир на Земле.

НЬЮ-ЙОРК. Газета «Нью-Йорк таймс» опубликовала заметку о процветающем в США весьма доходном бизнесе — торговле... детьми. Существует специальный прейскурант, согласно которому «молодой» ребенок стоит значительно дороже, чем «пожилой», интеллектуально и физически развитый — чем обычный, белый — чем черный. Заканчивается заметка сообщением, что заказы на «приобретение» ребенка принимаются за пять лет вперед.

ДЮССЕЛЬДОРФ. Недавно в ФРГ опубликован проект закона, который, как предполагают, заменит в будущем действующий с 1960 года закон о детском труде. На этот шаг правительство пошло под давлением общественного мнения, требующего ввести эффективную охрану труда подростков. Один только факт — до самого последнего времени предприниматель мог безнаказанно эксплуатировать несовершеннолетних по 10 часов в сутки. Но, как замечает западногерманский журнал «Элан», есть опасение, что и новый закон не внесет в положение работающей молодежи никаких существенных изменений.

На снимке: манифестация молодых рабочих ФРГ, требующих пересмотра законодательства о труде подростков.

СОФИЯ. За последние годы дипломы софийских вузов получили более 2 тысяч юношей и девушек из развивающихся стран Азии, Африки, Латинской Америки, а 200 человек защитили здесь докторские и кандидатские диссертации. В настоящее время в вузах Болгарии обучается около 1600 студентов из развивающихся стран, а более 2 тысяч юношей и девушек проходит подготовку в профессионально-технических училищах и на предприятиях.

АДДИС-АБЕБА. 457 отрядов участников национальной кампании «Развитие через сотрудничество», насчитывающих около 60 тысяч студентов и школьников-старшеклассников, работают сейчас в Эфиопии. Эта кампания, цель которой разъяснять миллионам крестьян характер революционных перемен в стране, ликвидировать феодальные пережитки в деревне, включает в себя также организацию борьбы с неграмотностью, строительство школ, оказание медицинской помощи.

ВЬЕНТЬЯН. В столичной провинции Лаоса действуют 617 начальных и 36 средних школ. Кроме того, работают 3 педагогических училища. Занятия регулярно посещают 68 тысяч школьников. В провинции Насайхонг учебой охвачены все дети школьного возраста. 24 новые начальные школы открыты в деревнях. Прошел год после провозглашения республики, и один из главных ее успехов достигнут в области школьного строительства, особенно в тех районах, которые при прежнем режиме были зоной сплошной неграмотности.

ЛУАНДА. В Народной Республике Анголе после победы над империалистической агрессией разворачивается мирное строительство. Страна приступила к решению главной задачи дня — ликвидации последствий колониального режима. Сейчас проходит национализация ключевых предприятий в экономике, принимаются меры по подъему благосостояния городских и сельских жителей. В руки народа переданы здравоохранение и система образования. Большую помощь в восстановлении и развитии экономики, налаживании мирной жизни оказывают Анголе страны социалистического содружества.

На снимке: в порту Луанда корабль из ГДР. Молодые портовики ведут разгрузку.

КАЖДЫЙ И ВСЕ ВМЕСТЕ

Горожанин к рытью канав и укладке труб обычно относится с недоверием и нелюбовью. Дело, разумеется, нужное: в доме должен быть и свет, и газ, и водопровод, и прочее. Но, с другой стороны, отчего это один и тот же десяток метров земли перерывают раз по десять, перегораживая проезды и проходы, уродуя дворы горбами лишней, вынутой со дна рва земли и выкорчевывая деревья?! Нет, мало обаяния имеет в глазах горожанина рытье канав и укладка труб.

И хотя все мы, журналисты из пяти братских социалистических стран и московского журнала «Ровесник», знали кое-что о строительстве нового газопровода Оренбург — Западная граница СССР, все же то самое чувство, что связано в нашей городской памяти с бесконечным ковырянием почвы, вспоротым асфальтом и подолгу не заживающими ранами на земле, никуда не пропадало. Труба она и есть труба, а не какой-нибудь автомобильный гигант, академгородок или просто новый молодой и веселый город...

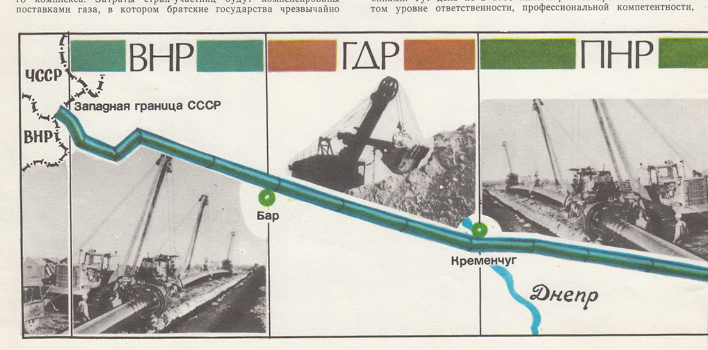
Плохо мы тогда представляли новый газопровод. Потому что это огромное предприятие — стоимость мощностей по добыче, переработке и транспортировке газа значительно превосходит стоимость сооружения Камского автогиганта; потому что газопровод — сложнейшее и по технической оснащенности передовое предприятие; потому что газопровод — это вовсе не просто и не только труба, но и 22 компрессорные станции (каждая из которых размером с приличный завод); и, наконец, это новые поселки и новые районы старых городов.

Общеизвестно, какова в наше время роль энергетических запасов для экономической и даже политической самостоятельности стран, для их прогресса и стабильности в будущем. (Именно энергетический кризис подтолкнул экономику западных стран к пропасти общего кризиса.) Нефть, газ, уголь — это не только топливо, но и химия — от удобрений до синтетических волокон.

Летом 1974 года в дни работы XXVIII сессии СЭВ, отмечавшего свое 25-летие, главы правительств НРБ, ВНР, ГДР, ПНР, СРР, СССР и ЧССР подписали генеральное соглашение о сотрудничестве в освоении оренбургского газового месторождения и строительстве магистрального газопровода Оренбург — Западная граница СССР. Согласно этому соглашению Болгария, Венгрия, ГДР, Польша, Чехословакия участвуют в строительстве на основе равного распределения капитальных вложений. Румыния вносит свой вклад обеспечением технологического оборудования третьей очереди Оренбургского газоперерабатывающего комплекса. Затраты стран-участниц будут компенсированы поставками газа, в котором братские государства чрезвычайно нуждаются. Кому и зачем нужна эта колоссальная энергия газа, сопоставимая с мощностью пяти Братских ГЭС, — это, конечно, не вопросы. В наше время она нужна любой стране, а тем более таким, как Чехословакия, где еще в конце 50-х годов геологи пришли к выводу, что газа в стране практически нет, а потребность в нем велика; таким, как Венгрия, где, по подсчетам специалистов, получаемый из Оренбурга газ по энергоемкости заменит миллионы тонн ввозимого угля; такой стране, как Болгария, где газ ждут металлурги и домохозяйки, химкомбинаты «Врац» и «Девня», предприятия по производству минеральных удобрений в Стара-Загоре и Димитровграде. Короче, газ нужен любой стране, обладающей динамичной экономикой. Тем более странам социалистическим, выдвинувшим курс на развитие, интенсификацию народного хозяйства, а значит — если результатов этих мы стремимся добиться в максимально короткое время — и на интеграцию усилий всех стран, на такой взаимовыгодный расклад средств, усилий, умения, который бы принес оптимальный для каждой страны результат.

В 1968 году на севере Аляски, в заливе Прудхоу, были обнаружены крупные запасы нефти. В 1974 году крупные нефтяные компании, откупившие у правительства штата право на эксплуатацию, сломив отчаянное сопротивление сторонников защиты среды, справедливо по прошлому опыту опасавшихся хищнических действий монополий, получили в конгрессе США разрешение на строительство нефтепровода. Свою роль в этом сыграли не только большие деньги, потраченные на сколачивание массированного лобби толкачей в конгрессе, и не только заверения о всевозможных предосторожностях по отношению к деликатной природе Аляски, сколько серьезная нужда всей страны в пополнении энергетических запасов. По подсчетам экономистов, аляскинское месторождение, а оно крупнейшее в Северной Америке, будет в конечном итоге давать около четверти всего количества нефти, импортируемой сегодня США. Мы приводим здесь эти сведения для того, чтобы сообщить «выходные данные» аляскинского нефтепровода, который в Америке называют «уникальным» и «чудом инженерной мысли»: длина — 1284 километра; диаметр трубы — 1220 миллиметров. Для сравнения и полноты картины приведем данные по газопроводу Оренбург — Западная граница: длина — 2750 километров; диаметр трубы — 1420 миллиметров; давление в подземной артерии — 75 атмосфер; мощность — 28 миллиардов кубических метров в год, из которых 15,5 миллиарда получат Болгария, Венгрия, ГДР, Польша, Румыния и Чехословакия.

Нет, никак не похоже строительство газовой магистрали на то копошение с трубой, что так часто мы видим у себя под окнами. Тут дело не в 2750 километрах ее протяженности, а в том уровне ответственности, профессиональной компетентности,

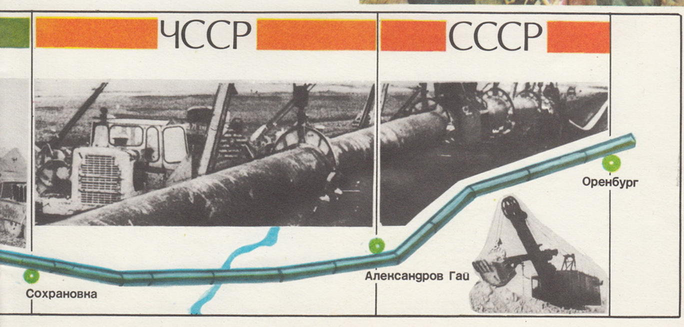
в том скрупулезном отборе всего передового, что существует в этой области во всем мире. Легко догадаться, что не все страны (в силу даже их размеров) имеют опыт строительства подобных объектов. По этой причине Советский Союз взял на себя обязательство сварить и уложить около 2 тысяч километров газопровода, доразведать месторождение, соорудить установки для переработки газа... По этой самой причине на строительство газопровода направлены прославленные коллективы, строившие крупные магистрали на Севере, в Средней Азии, в горных районах. По той же причине лучших своих специалистов — строителей домов и промышленных зданий, монтажников, сварщиков, электриков, операторов различных приборов — прислали к нам братские страны.

Лучших — вовсе не значит поголовно «в возрасте». Напротив, большинство строителей молоды, потому как условия работы и жизни, сам напряженный труд требуют энтузиазма, задора, если хотите, человеческой легкости в ситуации необычной, вдалеке от дома.

Их, иностранцев, примерно 12,5 тысячи. Да, все же иностранцев, как ни близки мы к ним нашим общим 30-летним прошлым, нашим богатым на события настоящим, нашими идеалами и образом жизни. Потому что ведь есть и языки, и традиции свои, и своя история, и свои понятия о мелочах и крупном в жизни. Мы поехали «по трубе», в сущности, чтобы ответить прежде всего на этот простой, лежащий на поверхности вопрос: как им, болгарам, чехам и словакам, полякам, немцам и венграм, живется у нас? Сколь близки они стали людям, что жили и до них на тех самых местах, куда сегодня «приползла» труба? Насколько плодотворны контакты между комсомольскими организациями строителей и местной молодежью, насколько четко претворяются в жизнь планы, намеченные Центральными Комитетами комсомолов наших стран? Дело в том, что над каждым участком строительства взял шефство соответствующий союз молодежи; Центральный Комитет Ленинского комсомола, в свою очередь, создал — об этом нам сообщил на встрече секретарь ЦК ВЛКСМ товарищ Григорьев В. В. — специальный штаб, члены которого будут постоянно находиться на участках строительства, помогая в координации работ, развертывании социалистического соревнования, организации досуга молодежи. Строителям будет интересно также узнать, что победителей социалистического соревнования ждут переходящие вымпелы ЦК ВЛКСМ, побывавшие в космосе...

13 августа, в пятницу, наша журналистская группа после 13 дней пути благополучно вернулась в Москву. Нам вообще, как мы заметили, везло на цифру «13» — номера гостиниц и домиков в городках строителей, номера автобусов и бортовые номера самолетов отчего-то обязательно включали это самое «13». Да и нас было тринадцать — пятеро журналистов из социалистических стран, трое — из «Ровесника» и пятеро переводчиков. С этой цифры мы начинали свою поездку по газопроводу. Дело в том, что глубокой осенью 1966 года у деревни Николки, что в сорока километрах от Оренбурга, впервые вырвался мощный фонтан газа. Бригада мастера С. Д. Иванова, первой вышедшая на газ, работала на буровой № 13.

Участок первый: ОРЕНБУРГ — АЛЕКСАНДРОВ ГАЙ

Та длинная дорога, в которую мы приглашаем вас, читатель, начинается под землей. Там, где природа, не скупясь, заготовила человеку подарок: огромный купол, заполненный газом. Остальное она предоставила людям. Самые опытные из них — те, что осваивали месторождения Севера, Средней Азии, этот газ нашли и вывели на поверхность. Потом в дело вступили строители и эксплуатационники, большую часть которых составляла молодежь.

Оренбург всегда славился хлебом — его отменным качеством и многими миллионами тонн количества. Такие же характеристики можно отнести и к оренбургскому газу. Здесь, в этих краях, вообще всегда любили и признавали размах, богатырство: Емельян Пугачев, Василий Чапаев, Валерий Чкалов, Юрий Гагарин — какие имена носили оренбуржцы!

С первых же дней этой стройке был задан самый высокий темп. Так строились первые две очереди газового комплекса, так, с опережением графика, возводится третья, в таком же высоком ритме идут работы и в самом городе. Население Оренбурга растет стремительно и сейчас достигло сравнительно недавно намеченного уровня 2000 года. Потому и торопятся, сооружая дома, школы, магазины, советские и болгарские строители.

На 2750 километров пройдет трасса газопровода Оренбург — Западная граница. Предстоит соорудить 240 переходов через железные и автодороги, преодолеть 168 водных преград, 160 километров болот... Газопровод — крупнейшая стройка стран СЭВ и крупнейший объект, над которым взяли шефство Ленинский комсомол и союзы молодежи братских стран. Первый его участок длиной в 558 километров уже уложен.

ГАЗ И ХЛЕБ ОРЕНБУРЖЬЯ

Было здесь когда-то, как говорится, чисто поле. Его пахали, в него сеяли хлеб и не знали, что под ним богатство.

Так говорил нам на встрече во Всесоюзном промышленном объединении Оренбурггазпром его главный инженер Владимир Александрович Швец. Сам Владимир Александрович — специалист со стажем, уже 21 год «качает» нефть и газ из-под земли, из них восемь в Оренбурге.

— А все-таки что там, под нами, под землей?

— Как бы вам, журналистам, похудожественнее объяснить?.. Может быть, так? Миллионы лет назад на территории Оренбургской области (хотя, конечно, и поболее области) было море. Его деятельность вела к накоплению остаточных, карбонатных пород — $CaCO_3$. Не очень художественно? Что поделаешь. С течением времени климат менялся, стал теплеть, море постепенно испарялось, и над карбонатными породами отложилась толща солей. Толща от 700 до 1000 метров. Соль — NaCl — обыкновенная, пищевая; в свое время Оренбургская область солью и славилась. Ее, кстати, и сейчас добывают. Соль-Илецк тут рядом, километров семьдесят. Так вот... После геологических преобразований образовался здесь такой купол, — Владимир Александрович для наглядности делает из ладоней крышу. — Размеры его 120 на 20 километров. В верхней части купола в результате гниения и разложения органических веществ образовалось скопление газов. Если б не толща соли, месторождения не было — газ просто бы ушел. Внизу же газ подпирает нефть, еще ниже — вода. Вот что находится, как вы выразились, под нами... Кстати, наше управление всего в 30 километрах от центра месторождения.

— Сколько же здесь газа? И на сколько его хватит?

— Считайте, лет на 80—90. Если же иметь в виду максимальный планируемый уровень добычи — 45 миллиардов кубометров газа в год, то такой уровень продержится в течение 16 лет. Прибавьте к 78-му году 16 и получите срок максимальной добычи. Далее она будет падать, но запасов хватит, как я уже говорил, лет на 90.

— Если вы не против, Владимир Александрович, давайте перейдем от «художественных картин» к сравнениям. Если, к примеру, вспомнить другие крупные месторождения...

— То оренбургское окажется в первой пятерке самых крупных. Мы уже сейчас, без третьей очереди — а это как раз и есть та очередь, что будет питать газопровод, который мы тянем к Западной границе, — так вот, уже сейчас мы даем столько газа, сколько его производит Англия. Вы слышали о крупном месторождении в Северном море?.. Если же говорить о ценности оренбургского месторождения, то оно выходит в той самой пятерке, о которой я говорил, на первое место. Дело в том, что оно комплексное.

— В чем же его уникальность?

— А в том, что богатство наше — газ это великое в наше время богатство — как бы удваивается. Он, во-первых, богат конденсатом, ну это тяжелые углеводороды, или, как еще говорят, белая нефть — ценнейшее, между прочим, сырье для химической и нефтехимической промышленности. Во-вторых, это сероводород, а значит, сера. Уникальность нашего месторождения и в том, что оно расположено в центральной части России, вблизи от крупных промышленных центров.

...Когда-то академик А. Е. Ферсман, не только глубоко изучивший, но и, можно сказать, тонко чувствовавший скрытую от глаз, потайную жизнь чуть ли не всей нашей земли, об Оренбургской области сказал такие слова: «...изучение этого громадного района принесет еще много неожиданностей и раскроет исключительную картину огромной области большого промышленного будущего». Шли годы, но Оренбуржье по-прежнему славилось прежде всего своим хлебом, солью; потом добавилось машиностроение. Газ, как вы знаете, был открыт только в 1966 году. На той самой, знаменитой теперь, буровой № 13 мастера Иванова. В 1971-м началось строительство газового комплекса. В том же году эта стройка была записана в Директивы XXIV съезда КПСС. Тогда же ЦК ВЛКСМ объявил ее Всесоюзной ударной комсомольской. Две очереди по 15 миллиардов кубометров газа в год каждая уже построены. Сейчас

Оренбург

строится третья очередь, в которую, собственно, и входит газопровод Оренбург — Западная граница, и темпы работ продолжают расти. Как сказал, переходя на привычный рабочий язык, Владимир Александрович Швец, «строительство третьей очереди ведется успешно, с опережающими темпами. Надеемся, что она будет введена досрочно».

— Так, так, — поднялся тут Кольо Панамски и покачал отрицательно головой. Все улыбнулись, потому что всегда в такой ситуации вспоминали об одном и том же — о том, что не могут никак свыкнуться с этим болгарским перевертышем: «да» — это «нет», и «нет» — это утвердительное покачивание головой «да». Так вот, наш спокойный, уравновешенный и мягкий со всякими людьми Кольо (можно и Коля, Кольо разрешает) заерзал и заволновался. И тому была причина: ведь Оренбург — это болгарский участок; точнее — здесь, в Оренбурге, работают болгарские строители (вообще же Болгария — таковы уж сложности и необходимости этой гигантской стройки — финансирует пятый, то есть венгерский, участок). Была и еще одна причина: еще в Москве у нас состоялся журналистский сговор о том, чтобы каждый журналист из социалистической страны был хозяином положения и главным поставщиком информации на своем участке. Коле Панамски из газеты «Народна младеж» было тяжелее других — он оказался первым. Потому он так и волновался.

Хозяин положения и главный поставщик информации спросил:

— ...Так, а как же все-таки первый участок?

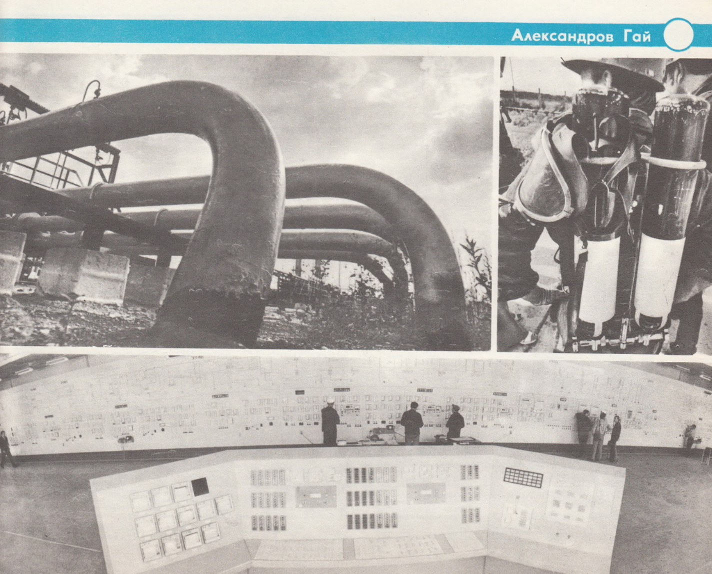
— Вы имеете в виду трассу? — переспросил Владимир Александрович. — Тут все в порядке: в 1977 году будут готовы все скважины для третьей очереди, успешно строятся установки по подготовке газа, наконец, по плану, и даже с опережением плана прокладывается трубопровод. Ведь вы знаете, что трубу здесь кладут советские строители. Длина трассы от Оренбурга до Александрова Гая — 558 километров. Половина трассы уложена и зарыта. Другая половина будет уложена и зарыта в конце августа...

Вот тут Владимир Александрович Швец и вернулся к тому, с чего он начал, — к полю, на котором пшеница и рожь, и к земле, под которой богатство, газ. Тут и сказалось его восьмилетнее пребывание в хлебном Оренбурге.

— Между прочим, — сказал Швец, — на тех полях, где пахали, и сеяли, и собирали урожаи и где не подозревали, что под ним лежит богатство, и теперь пашут, сеют и собирают урожай. Вы еще проедете мимо них и все сами увидите...

Мы проехали, и увидели, и втягивали носом воздух: на полях убирали урожай, воздух пах травами и пылью и никак не газом, ни тем более сероводородом. Труб не было. Вообще не было труб, кроме тех, что для орошения, и тех, что на горизонте, — газзавод. Земля была поднята, изъезжена и в силу необходимости изувечена, но потом она была аккуратно уложена, покрыта плодородным слоем и засеяна. Оренбуржье, приобретя в своем гербе факел газа, не потеряло ни одного зерна из того колоса, что был в том гербе прежде.

Коля Панамски, фотокорреспондент, при всей своей мягкости и тихости был настойчив и въедлив и к своей цели шел «в тапочках», но как танк. Коля сказал (несколько раз тактично и тихо сказал, пока мы ходили с противогазами по Оренбургскому газзаводу), что ему надо увидеть его болгар, что фоторепортаж о его болгарах ждут в редакции «Народна младеж», что у него есть целый список фамилий его болгар, которые его особо интересуют, потому что не всё о его болгарах еще известно читателям Болгарии.

К болгарам мы поехали втроем: Коля, студентка-переводчица Оля и один из авторов; остальные занимались «трубой». Приехали в центр города и обнаружили, что там есть свой городок — лабиринты улиц и переулков, деревянные, но внутри вполне удобные и функционально современные домишки с табличками десятков строительных управлений. Таблички едва виднелись сквозь заросли цветов, и мы не вдруг нашли нашу, сразу нас разочаровавшую, — никакой экзотики, все было написано, как и на остальных, по-русски: «Партком болгарского строительного управления».

Дальше — больше: человек, сидевший в комнате, куда нас направили, хорошо и рассудительно ругался по-русски с диспетчерской. «Нет, — говорил он по телефону, — мне нужны эти машины именно сегодня. И никаких вариантов! Вы поняли меня, первый?»

— Рафаил Рафаилов, — бросив трубку, сказал он нам и подал руку Оле, Коле и мне.

Какая-то загадочная игра была у болгар: мало, что парторг оказался Рафаилом Рафаиловым, фамилия и имя комсомольского секретаря тоже не утруждали память — Мило Милов. Ничем подобным мы похвастаться не могли; мы могли только постараться уяснить для себя, как эти люди с такими симпатичными болгарскими и столь похожими на наши именами чувствуют себя в России?

Рафаил Рафаилов даже несколько опешил. Как может чувствовать себя он, столько лет проработавший в Союзе?! После строек в Ростове-на-Дону, после Борисполя, что под Киевом, после Оренбурга, в конце концов?!

— Да нормально. Работаем... Конечно, Оренбург — не Сочи, тем более не Болгария. Но наше дело мужское — надо. Надо строить, делать...

— Что, кстати, делать?

— Сейчас тут у нас 870 наших строителей. Мы строим, как у вас говорят, жилкультбыт, то есть общежитие гостиничного типа на 640 человек, 6 жилых домов, школу на 1100 учеников, столовую мест на 500, два общежития, детскую техническую станцию...

— Рафаил, насчет строительства нам все, в общем-то, ясно. Но, в конце концов, все строят. И в Америке, и в Коста-Рике, и в Швейцарии... И у нас, и у вас, в Болгарии... Но, наверное, есть какие-нибудь особенности. Все-таки болгары в Оренбурге...

— Слушайте, — сказал нам Рафаил Рафаилов, когда вечером мы очутились в гостях у Мило Милова, — вам надо почитать Ла-Шатера. Был такой швейцарский мыслитель, и я его люблю. Он очень неплохо писал о пользе приобретения человеческого опыта... Вот мы строим дома, вроде неплохие, а? (Стройно и по-болгарски мы с удовольствием качнули головой в сторону — «да!».) Но еще строим и людей! Вы знаете, сколько болгар работает в Союзе? Около 12 тысяч, и это без Тюмени. Там будет еще тысяч пять. Это очень выгодно нам, Болгарии, и выгодно вам. Однако, с другой стороны, эти 12, а тем более 17 тысяч не могут быть все, как один, образцовыми, сознательными, всё и всех понимающими, на сто процентов воспитанными людьми. В конце концов, мы же не на выставку, не на ВДНХ посылаем людей, а на стройки...

— Приходится иногда туго, секретарь?

— ...Иногда до смешного. Говорили вот мне, что молодые оренбуржки считают, что болгары целуются хорошо... Неплохое, конечно, достижение, и несколько свадеб мы уже здесь справили. Но я скорее о другом: сюда, в Оренбург, и до этого, до газа, большой город, а теперь колоссально растущий (вот я, например, знаю, что уровень населения, запланированный на 2000 год, уже достигнут), так вот, в такой город приезжают люди, а они в своем деле — мастера, из деревень или маленьких городов Болгарии. Представляете, каков перепад! Что ж удивительного, что некоторые ломаются, ищут близкую выгоду и «длинный» рубль. Мы строим дома и вместе строим «трубу», но мы вместе строим и человека, который не унижался бы, скажем, подпольной торговлей столь дефицитной в Оренбурге жевательной резинкой... Конечно, всякие бывают на свете типы, но я ведь много лет живу в Союзе и точно могу сказать: в конечном итоге у нас все и хорошо получается. Так?

— Так, так, — закачали мы головами. Потому что чувствовали мы себя здесь, в Оренбурге, на Алтайской, 12, в гостях у болгар, прекрасно; потому что хозяева — Мило и его красивейшая жена и в скором будущем новый оренбургский врач Василка, и их непоседливая и такая вежливая, отлично говорящая по-русски дочь, и музыка — «жестокие» городские романсы 30-х годов, собирателями которых оказались наши молодые хозяева и которые, как оказалось, наизусть знает наша Оля, студентка; и их танцы, и раскованное веселье у границы Европы и Азии, и их откровение... Да нет — все было прекрасно. И всё вспоминались те минуты, когда мы с Рафаилом Рафаиловым стояли, опершись на крылья «газика», и — пока Коля Панамски снимал свои фотосюжеты — препирались, глядя на стройку школы.

— А ведь такой большой и красивой школы в Оренбурге еще нет?

— Вроде нет.

— А ведь не успеете вы ее закончить к первому сентября?

— Успеем.

— Вряд ли.

Тут Рафаил свистнул в два пальца, помахал рукой, и из разных мест и с разных этажей к нам подошли четыре бригадира. Рафаил разговаривал с ними строго, детально и с «подначкой» — может, все-таки не успеют? Когда разговор закончился и бригадиры ушли, он сообщил:

— Успеют.

Так мы и расстались. Я — с некоторой неуверенностью: до сентября было меньше месяца; он — абсолютно в своих болгарах уверенный.

Но он ведь специалист. Строитель.

Кольо ПАНАМСКИ, «Народна младеж», София

Вообще-то я фотограф, и, признаться, мне легче фотографировать, чем писать. И я записывал только имена и цифры. Даже цифры я начал записывать не сразу, но потом понял, что они, может быть, говорят куда больше, чем даже слова.

Теперь я просто выписываю то, что есть у меня в блокноте:

870... 3000... 2 760 000...

Первая цифра — это мои соотечественники, которые уже строят новый Оренбург. Строят школы, жилые дома, детские сады и общежития.

Я долго примериваюсь, чтобы сделать первый кадр. Конечно, еще дома я думал над ним: какой он будет? Я распланировал всю поездку, познакомился с множеством людей, у которых есть друзья здесь, в Союзе, я записал фамилии многих уже знаменитых болгар, которые прославились тут своей работой. Я хотел их найти, увидеть и сфотографировать. Потом я думал о том, что еще предстоит мне увидеть — людей незнакомых, незнакомые пейзажи, незнакомую мне работу... И все это тоже могло стать первым кадром.

Но произошла странная вещь... Я не помню своего первого кадра. Я просто не знаю, кто были те люди, которых я снял первыми. Может быть, это Спас Иванов и Теменко Василев, которые в Оренбурге так отплясывали наш хоро, что невозможно было глядеть на них без улыбки. А может, это были ребята в общежитии, которые сидели чуть печальные, и один из них играл на гайде... А может, это был Мило Милов — секретарь комсомольской организации в Оренбурге? К нему как раз с родины приехали жена и дочь, и мы попали к ним в гости. Вряд ли я смогу описать то, что происходило в его доме, потому что радость вообще описывать трудно. Но у меня есть снимки, и теперь я могу вспоминать всех их.

Вторая цифра — 3000... Столько будет наших, болгарских, строителей в Оренбурге к концу этого года. Некоторых из них я еще перед поездкой, возможно, увижу здесь, в Софии. Я постараюсь им рассказать при встрече о том, какая огромная стройка ждет их. И я покажу им снимки. Покажу, как танцуют Спас и Теменко, покажу радость в доме Милова. Может быть, это поможет им, приехав в Оренбург, сразу чувствовать себя как дома. Я бы хотел, чтобы они так чувствовали себя.

А с третьей цифрой трудней. Это 2 760 000... Огромная цифра! Во всей этой поездке мне надо было так фотографировать, чтобы, в сущности, объяснить одну эту огромную цифру, и пока не знаю, удалось ли мне это сделать. 2 760 000 — это деньги, рубли. Эта сумма будет освоена строителями из Болгарии к концу года в Оренбурге. За этой цифрой — работа. За ней дома, за ней школа, которой уже решено присвоить имя Георгия Димитрова. За ней, в конце концов, тот газ, который пойдет и к нам, в Болгарию.

Участок второй: АЛЕКСАНДРОВ ГАЙ — СОХРАНОВКА

Теперь наверняка все знают историю Солдатского поля под Волгоградом. Поле в 400 гектаров, из глубины и с поверхности которого молодые солдаты-минеры вынули 5 тысяч взрывоопасных предметов. Поле, которое по весне засеяли молодые механизаторы из братских социалистических стран и которое осенью дало свой первый с 1942 года урожай. Урожай этот, как ни мал он в сравнении с урожаем всех полей Волгоградской области, нам особенно дорог. Урожай этот, вернее, его символические образцы будут не менее дороги тем, кто в братских странах получит их в подарок от волгоградских комсомольцев как память об общем труде молодых, как память о погибших и живых защитниках Сталинграда, священная память о тех, кто уберег мир от фашизма.

23 июля 1976 года в селе Антиповка Камышинского района Волгоградской области проводился митинг, подводивший итоги недели солидарности. Его участники, бойцы студенческих строительных отрядов и чехословацкие строители газопровода, написали в письме ЦК ВЛКСМ:

«Мы работаем на священной волгоградской земле, и нам близки и понятны судьбы миллионов патриотов Азии, Африки и Латинской Америки. Наш совместный День ударного труда на строительстве газопровода Оренбург — Западная граница СССР является практическим воплощением нашей поддержки деятельности Совета Экономической Взаимопомощи.

Бойцы студенческих отрядов, проявляя солидарность с молодежью всего мира в борьбе против империализма и реакции, перечислят заработанные сегодня деньги в фонд строительства Дворца пионеров в городе Ханое.

Воодушевленные решениями XXV съезда КПСС и XV съезда КПЧ, строители чехословацкого участка газопровода обязуются ввести в строй жилой городок в селе Антиповка на месяц раньше намеченного срока».

В Антиповке, одной из площадок чехословацких строителей, мы были две недели спустя после митинга. Городок был почти совсем готов, и машины везли щебень и асфальт на последний участок дороги... На 562 километрах работают полторы тысячи чехов и словаков. И что бы они ни строили — компрессорные станции, жилье, больницу, стройбазу, товарную станцию, каковы бы ни были цифры вложенных и освоенных средств (а цифры эти определены соглашением между странами), к ним всегда добавляются те теплые чувства братства, что зародились в прошлом, живут в настоящем и будут жить в будущем.

ЧЕХИ ПОЮТ

Поющий, как думающий, не боится взглядов.

Уж если человек, сидевший до поры молча, решился запеть, тогда не все ли ему равно, кто глядит на него и как? Да и какое ему вообще дело, что кто-то сидит напротив и разглядывает его в упор. Ну и смотри себе на здоровье! Смотри и прикидывай в меру своего ума, что происходит в душе поющего. Только смотри быстрей и думай скорей, потому что песня сейчас кончится. Если тебе повезет, начнется другая, но та, что была, минует. В другой песне будет жить уже другой человек, потому что песни неповторимы, поэтому их и повторяют.

Так пели чехи.

Ночь уже была за окнами столовой. Холм, на котором располагался чешский городок, темнота выровняла. Уже не существовало даже того оврага, из-за которого днем смотрели на чешский поселок избы нашей Антиповки. Теперь дома чехов и те дома, наших, глядели друг на друга, перемигиваясь светом окон, став еще ближе, чем днем, и откуда-нибудь сверху антиповский холм смотрелся сейчас небом с мерцающими звездами окон. В овраге лежали переплетенные толстыми плетями арбузы — темные, как земля. И лишь в ветвях над ними тускло светились в грушевых деревьях ровные плоды, которые с рассветом станут грушами.

Взрытая земля — под фундаменты зданий — оседала в ночи. Изредка сами собою там скатывались в котлован комья, не сумевшие ухватиться краями. Бетон, уложенный днем, покрытый росой, застывал медленно и неохотно, и где-то так же медленно, нагретые за день, остывали огромные плети труб, которым завтра надо будет лечь в разрытые для них траншеи.

Река невдалеке тоже струилась тихо, и рядом с ней, на берегах, пытались выпрямиться вдавленные колесами «татр» травы.

А здесь пели.

Странная мысль пришла мне в голову. Где-то далеко их домашние вспоминали их и думали о том, как им тут. Они же сами, отработав тринадцать недель, возвращались на три недели домой, везли подарки, которые выбирали долго и старательно, потому что делали это в одиночестве, и потом тоже пытались рассказать, как им живется здесь. А еще до приезда они писали домой письма — и в письмах тоже всё хотели рассказать о том, как они живут здесь и работают. То есть каждый и все вместе делали все, чтобы рассказать о здешней своей жизни, и все равно всего этого не хватало, чтобы рассказать о ней, и опять, вернувшись сюда, надо было писать письма и вновь рассказывать и рассказывать...

Я же глядел на них, поющих, и думал, что вот был бы, пожалуй, единственный реальный рассказ, после которого уже ничего не надо рассказывать о том, как им живется тут. Вот только взять сейчас и устроить прямую передачу в Чехословакию из этой столовой! И там все увидят их, поющих: один откинулся и полузакрыл глаза, другой подпер скулу кулаком, а иной сидит прямо, с невидящим взглядом.

А пело трое. Один — бригадир их — с красным большим лицом, казалось, совсем был без голоса. Голос его был хрипл и тяжел, как лицо его и все тело — грузное, большое, нависшее над столом. Но именно он чаще всего и затевал песню, и тогда происходило странное: хриплый голос его не обрывался нигде, он заходил в каждый, самый дальний и высокий уголок песни, и ему, этому хриплому голосу, было хорошо там, в том дальнем закоулке, как хорошо бывает хозяину в гостеприимном доме, когда гости довольны и рады, и уходить еще не скоро, и можно еще думать, что вся жизнь — это сплошной праздник без начала и конца. Как он умудрялся, его хриплый тяжелый голос, оставаться хозяином во всем том огромном и зыбком доме, который и был песней? Как он не рвался, ни разу не став грубым? Как и почему он так счастливо себя чувствовал? Все это было его тайной, и разгадать ее было невозможно и даже пытаться не стоило; и можно было только любоваться им.

Другой из них, Петер, напротив, имел голос тонкий и нежный. Хозяин его — высокий, с белым и тоже тонким телом — знал цену своему голосу, и цена эта была высока. И все вокруг тоже это прекрасно знали, и потому в самых трудных и изящных местах песни они все уступали ему место и дорогу, как невольно и сразу уступают место и дорогу неожиданно появившейся красивой женщине, а она, словно и не замечая этого, идет так, будто по-другому ничего и не может быть и не должно, будто по-другому и не случалось никогда, потому что по-другому было бы скверно и непонятно. И голос его так же шел и был в каждом красном углу песни, словно бы рядом со всеми и словно бы отдельно...

Иногда хозяин его берег его и вдруг умолкал, и это значило, что кто-то, увлекшись, не уступил ему то единственное предназначенное для него место, и тогда он просто отказывался соперничать, благородно рассудив, что соперничать ему не к лицу, как не к лицу соревноваться сильному со слабым. И тогда мы говорили с ним.

Я сидел напротив, и мы говорили тихо, не мешая песне.

У Петера были сын и дочка, и в последний его приезд домой дочь сказала ему, что в следующий раз они не отпустят его сюда. И то, что тогда, дома, звучало печально, сейчас вспоминалось ему светло, и ему было приятно сейчас вспоминать, что слова эти все-таки были сказаны ему, а значит, его любили и ждали там, и без него им было там плохо, а с ним — счастье.

Еще мы говорили с ним о песнях, и он тихо упрекал меня — и выходило, что и всех сидящих здесь гостей, — в том, что вот мы не знаем их, чешских, песен, или знаем только мелодию, а не слова, или знаем только обрывки слов, а вот он знает русские и любит.

— Ну какую тебе спеть? — задиристо спрашивал он.

Я называл старую русскую песню, и он действительно начинал, склонившись ко мне, едва не касаясь моего лица, тихонько напевать ее и улыбался торжествующе и долго.

— Еще! — требовал он.

И я опять называл. И он снова напевал ее, смущаясь изредка, когда слова не выходили у него, не получались. И, вдруг прервав все это, услыхав что-то в общей песне, он откидывался назад, и его нежный голос вливался к остальным. И тогда он закрывал глаза, чтобы ничего уже не видеть, кроме песни.

И третий еще был. И звали его Иозеф. Этот был совсем молод и силен. И голос у него был такой же — молодой, сильный и шалый. Если песня была грустной, его голосу — что-то железное в нем слышалось — все равно не хватало той песенной грусти, и ему надо было прибавить к ней свою. Голос его метался по песне, не находя себе места, сталкиваясь с другими — с нежным голосом Петера, с хриплым бригадира, — и те голоса даже боялись встречи с этим, потому что сила его была бесцеремонна, и сама песня, как живое существо, могла вдруг не выдержать встречи с ним и от этого столкновения закончиться и умереть. Иозеф, тоже видевший это, страдал и улыбался невинно и растерянно, словно говоря: «Ну что ж я могу поде-

лать, друзья? Что мне поделать, если мне тесно? Вы же видите, какой я!» И тогда, оплетенный с двух сторон голосами других певцов, голос Йозефа смирял себя, и самому ему становилось хорошо, и так продолжалось до тех пор, пока он опять не забывался. И тогда все повторялось сначала.

Впрочем, был еще и четвертый — повар. Но его нельзя было назвать певцом. В нем не жило никакого голоса, даже намека на него не было, и он сидел опечаленный, как может быть печален лишь калека, не по своей воле оказавшийся вдруг среди людей здоровых и румяных и уж не способный встать и уйти незамеченным. Но и тут случилось то, что как раз и может случиться в таких случаях. Как тот калека, но душевно здоровый, начал бы любоваться изумительным внешним здоровьем окружавших его, так и повар, опустив голову, начал улыбаться улыбкой, которая потом длилась весь вечер. И он пел. Пел весь вечер про себя — молча и естественно. И от того, что пел он про себя, ему было, может, лучше всех других: только он мог истинно оценить красоту каждого, потому что был в стороне, потому что ему не надо было ждать, как Петеру, когда ему уступят в песне достойное только его место, и не надо было смирять себя, как делал это Йозеф; он просто молча ходил в том зыбком огромном доме, который был песней, шаги его были не слышны никому, он же мог зайти в любое мгновение в любую светлую или сумрачную комнату песни и стоять там не замеченный никем и любоваться всеми.

...Так пели чехи. Ночью. В Антиповке.

302-й ДЕНЬ ЙОЗЕФА ОНДУШИКА

Комната, в которой вчера тебе было так хорошо и которую ты все же оставил, смотрится наутро чужой и неприятной. А ведь все осталось тем же. Даже сидят те же люди и, странно, на тех же местах. И Йозеф, с которым мы договорились встретиться, смотрит чуть виновато, будто вчера грешил.

— Ты хорошо пел, Йозеф, — подсел я к нему. — Может, немножко громко...

Он кивает, прихлебывая кофе, и я вижу, что он не согласен. С утра он уже сделал один рейс к элеватору, и сейчас машина его стоит у ворот городка, и в ней ячмень.

Я уже сидел в кабине, когда Йозеф еще раз обошел машину — проверил брезент: хорошо ли укреплен на бортах? За нами шли еще две «татры». Тоже с ячменем. Разбитая в пух и в прах дорога скользила меж холмов, но Йозеф вел машину с изяществом. Впереди на дороге нырял грузовик, как и всякому хорошему шоферу, мозоля ему глаза. Йозеф пошел на обгон и уже догнал его, когда из-за холма впереди вылез встречный. Наши двенадцать тонн на колесах двигались с неистово ровной силой — еще пару секунд, и мы обошли бы грузовик. Тот, с холма, приближался быстро, зная, что он прав, и не сбавляя скорости. И все-таки перед нами был кусок дороги, и оставалось время, чтобы отстать, спрятавшись за спину грузовичка, и чтобы рвануть вперед. Вот тут я и вспомнил, как он вчера пел. С застывшей усмешкой он выжал газ, и грузовик справа, подпрыгивая, поплыл назад. Встречный со свистом скользнул мимо.

— А ты отчаянный.

Йозеф не ответил.

— Сейчас я тебе покажу, откуда мы возим хлеб, — сказал он. — Вон тот поворот видишь? Там деревенька, километрах в семи. Название хорошее — Сестренка.

— Не Сестра?

— Нет, в том-то и дело — Сестренка, — и Йозеф стал рассказывать о том, как прожил эту зиму и прошлое лето. Говорил о холмах, среди которых мы ехали сейчас. Прошлое лето было жарким, и все сгорело здесь. В кабине было как в душегубке, и они ездили по этим холмам, как по пожарищу.

Я уже давно перестал замечать его акцент. Даже коверканные слова скользили мимо внимания, не затрагивая ничего и не возмущая. Да и какой он был иностранец? Мог ли чужой человек говорить так? Йозеф рассказывал, как в прошлом году здесь жалко было смотреть на поля: «Едешь, и глаза бы не глядели — чуть ли не дымится все». Говорил, что собрали тогда по двенадцать центнеров с гектара — «и то едва-едва». «А в этом году чуть ли не по тридцать выходит».

Даже сколько в области соберут, он знал — 260 миллионов тонн. И сколько тут земли под арбузами у соседнего колхоза — три тысячи гектаров.

— Йозеф, — перебил я его. — Тебе все равно, что возить? Вчера гравий, сегодня ячмень, а прошлое лето арбузы...

— Все равно, — ответил он. Потом покосился на меня: — Я знаю, о чем ты... Тот, что сзади идет, ему не все равно. Он крестьянин. На элеваторе посмотришь, как он будет отряхивать машину. Только не говори ему, что я тебе об этом сказал. Он каждое зернышко рукой будет смахивать. А я шофер. Только шофер и все. У меня первой игрушкой была машинка, я спал с ней...

— Что это он? — удивился я.

Встречный шел и светил нам фарами, еще и солнце било ему в лоб. Мы встали. Оказалось, у идущего за нами — как раз у «того» — сыпалось зерно. Тонкая струйка вытекала из-под брезента. Мы встали, и она перестала течь, но тот шофер, поправив тент, все не трогал с места, стоял и шептал что-то едва слышно, похоже, матерился.

— А встречный кто был? — спросил я Йозефа. — Не ваш?

— Первый раз вижу... Пару б недель еще! — с сожалением сказал.

— И что?

— Арбузов бы ты поел — вот что. Мне говорили, даже царь какой-то Камышину золотой арбуз подарил. Весь золотой. Внутри тоже. Говорят, в Москве он сейчас.

— А какие ты еще ел?

— Астраханские. В прошлом году мужики-шоферы оттуда везли. В Саратов. Тут встали, один сломался. Они и дали нам. У нас тут свои маленькие хитрости. Сломается кто из колхоза или побьется чуть — кому хочется, чтобы свои знали, — он к нам, на нашу базу. Сейчас ему раз-раз — и готово, будто ничего не было. А мы потом к ним так же. Все, конечно, знают, — рассмеялся он, — и вроде бы не знают.

Он засигналил встречному. Тот проскочил мимо нас кабина с кабиной — почти впритык — тоже что-то кричал ему.

— Знакомый?

— Знакомый... Даже звать не знаю как. Не успел спросить. В прошлую зиму заносы были жуткие. Мы тут как в туннеле ездили. Раз еду, он стоит. Подремонтировали мы его, он и уехал. Вот теперь ездим и кричим, а остановиться все некогда. Может, так и не узнаю, как его зовут. Он ведь тоже не знает, как меня зовут.

— Опять знакомый?

Опять он сигналил.

— В прошлое воскресенье к ним на сенокос ездили, на воскресник. До двух часов сено возили. Потом «Огонек» у нас был.

— И что?

— Да ничего. Просто начнешь вот так улыбаться, видишь, что он приятен тебе, а ты ему, а потом на дороге уже как друзья. А так пустая дорога — без этого. Видишь — степь одна.

— А ты в ту зиму не ломался здесь? В заносы?

— Вообще еще ни разу в аварии не был. — И он постучал пальцем по баранке. — Тьфу-тьфу!

— Веришь, что ли?

— Быстро очень езжу. И давно. Самолеты и то падают.

— А этому чего сигналил? Опять друг?

— У нас работал. Когда машин у нас много на ремонте, колхоз нам свои подкидывает. Этот веселый мужик. Мы как-то меж бутылок ездили — слалом вроде. А чтоб жалко было, бутылки с пивом были, полные. Он как начал, две подряд зацепил, выскочил... «Нет, — кричит, — не могу больше! Это все равно что по людям». Первое место ему дали. Хохотали все.

— Да у тебя, что ли, все тут друзья?

— Как? — не понял он.

— Ну вот ты говорил, триста второй день у тебя нынче. Неужели ж одни друзья? Ни одного врага?

— А чего плохо-то жить с людьми? — повернулся он ко мне. — Есть, конечно, разные... А я вот не понимаю: зачем плохо-то с людьми жить? Себе хуже.

Мы стояли уже в длинном хвосте у элеватора.

— А завтра чего возишь? — спросил я.

— Чего скажут... Мы же не на сдельщине. Оклад. Чего рваться?

— Да я вроде не об этом.

— А я, думаешь, об этом?

Потом я потихоньку смотрел, как тот, «другой», чистил машину. У него даже веничек был — маленький, специальный. Маленько зерен подержал в руке и ссыпал себе в карман. Зачем — не знаю.

Они еще хотели успеть до вечера сделать четыре рейса и сомневались, что успеют.

Петер ТРОЯН,
«Млади свет», Прага

Ах, ты захотел поехать на айс-ревю в Волгоград? Тебя ожидает 150-километровое путешествие. Ты хочешь съездить в комсомольский клуб-кафе в Камышине? Это более чем 60 километров пути. Такие расстояния в Чехословакии разделяют крупные города. Здесь они отделяют от «мира» Антиповку.

Впрочем, самих жителей деревни Антиповка все эти многокилометровые рассуждения не особо тревожат. Сегодня Антиповка стала хотя и не большим, но весьма близким к совершенству городком, потому что здесь вы можете пойти в кино, сыграть в футбол, искупаться в Волге или просто так зайти посидеть в баре за бутылкой чешского пива... То есть всегда чувствовать себя просто и хорошо.

В Антиповке мы, между прочим, встретились не только со старожилами, но и новичками: 24 студентами строительного факультета Высшей технической школы города Брно. Я говорил с первокурсником Карлом Гозаком. Мы сидели на панелях и болтали:

— Знал ли ты что-нибудь об этой стройке дома?

— Разумеется, все основные данные. Вообще-то дело было так: нам, ну не всем, конечно, предложили выбор — или месячная практика дома, или три месяца работы в Антиповке. Такой случай, как работа в Антиповке, никто не хотел упустить. Тогда-то мы и начали все узнавать о газопроводе.

— А вот говорят, что некоторые сюда приезжают прежде всего из финансовых соображений. Ты сам что об этом думаешь?

— Что же, это тоже весьма дельное соображение. Но знаешь, когда я уже сюда приехал, я обнаружил, что все же это не главное, чепуха даже. То, что мы здесь узнаём, мы никогда не узнали бы, даже если бы приехали сюда как туристы.

— А поконкретнее?

— Изволь. Прежде всего, кроме Антиповки, где у нас практически есть все, что нужно для нормальной жизни, мы часто бываем в Камышине, в комсомольском клубе. Там у нас общая дискотека образовалась. Понемногу мы приобретаем личных знакомых, узнаем, как живут молодые люди в Советском Союзе. Заметь, я здесь всего только месяц...

— Ну а если говорить о работе?

— Я работал во многих местах и знаю, что небольшой коллектив, хорошую компанию, как говорится, можно всегда сколотить. Но здесь такая компания — вся Антиповка. Люди здесь уравновешенные, доброжелательные, относятся друг к другу действительно так, как это и должно быть по нашим понятиям.

— А чем же вы все-таки занимаетесь здесь на практике?

— Работаем мы каждый день, кроме воскресенья, примерно по 10 часов. Работа все время разная — то бетонируем, то забор ставим, то вагоны разгружаем... Короче, нас бросают туда, где необходимо помочь. А то вот еще: помню, помогали местному совхозу в уборке сена, работали на субботнике в саду Дружбы.

— Скажи, вот ты закончил работу. Вечер. Чем займешься?

— Я люблю спорт, и здесь у нас много возможностей. Да ты и сам это видел: футбол, волейбол, плавание. Сейчас оборудуем теннисный корт. Признаюсь, что после работы в такой жаре я всему предпочитаю реку. Вот в этом направлении до Волги не больше километра. Волга — это черт те что, это грандиозно! Прямо тянет на рекорды. Когда я сюда приехал, мне не удалось устоять, и в месте, где ширина реки добрых шесть километров, я ее переплыл. Между прочим, это местный рекорд.

— И еще один вопрос: все же тебе не кажется, что ты на краю света?

— Ни в коем случае, я же тебе об этом все время толковал. В конце концов, я ведь нахожусь всего лишь в трех тысячах километрах от дома. Длина трубы...

Участок третий: СОХРАНОВКА — КРЕМЕНЧУГ

Антонин Заневский, начальник польского участка в Новопскове, начал нашу встречу с разговора о земле: «Наша трасса протянулась на 596 километров, и все они идут по украинской земле. А вы ее уже видели. Это прекрасная земля для производства хлеба, и со своим делом она справляется... Но это трудная земля для строительства газопроводов: в хорошую погоду по ней можно как по автостраде ехать, в плохую, особенно такой весной, как та, что была в этом году, увязаешь чуть не по уши...»

Какие же у польских строителей есть основания полагать, что и они со своим делом справятся, как справляется украинская земля? Тем более что сооружают польские строители не только компрессорные, жилье, строительные базы, но и тянут всю длину трубы на своем участке? Во-первых, Польша для участия в этой стройке выделила свои лучшие, оснащенные передовой техникой, самые опытные в своем деле предприятия. Во-вторых, она выделила лучших специалистов: некоторые из них проходили практику на газопроводах Турции, Голландии, США. В-третьих, это постоянная забота по организации строительства, проходящего под лозунгом «Высокое качество и сдача в срок».

«Наши бригады соревнуются между собой, с советскими рабочими; ведется соревнование с коллективом второй крупной польской стройки — металлургическим комбинатом в Гуте. Над обоими этими объектами шефствует Союз социалистической польской молодежи. И польский, третий участок газопровода в этих соревнованиях не проигрывает. 109 километров трассы — от Новопскова до Сохрановки — мы сдадим в эксплуатацию в IV квартале.

Но мы все же не справились бы со своим делом, — закончил Антонин Заневский, — если бы оставили эту прекрасную украинскую землю разоренной и испорченной. Такого, однако, не будет. Поверх трубы, несущей энергетическое богатство в братские страны, будет по-прежнему лежать тот самый плодородный, черный слой земли, что прославил Украину».

«ПЕРЕДАЙТЕ ИМ ЭТО В 20.00»

«Мама, у моей сестренки глаза голубые, как васильки». Голос польского мальчика в репродукторе отчетлив и звенящ. Каждое его слово можно подержать в руках.

Здислав Медовски опускает иглу на пластинку с уроком русского языка ровно в шесть часов вечера. Так каждый день.

— Слушать их — одно наслаждение, — тихо говорит он и действительно слушает мальчика из репродуктора.

Здислав уверен, что так, как говорят на пластинке, никто и никогда не говорил ни в одном углу Земли, но в звучащем по радио разговоре ему слышатся странные изящество и хрупкость. Это разговор не для начинающих изучать язык, а для начинающих его знать, и в нем уже есть привлекательность необъятного.

«Ты прав, мой дорогой сын, — отвечает глубокий голос женщины, у которой наверняка нет детей. — Но только ты прав по-своему. Глаза твоей сестры скорее напоминают мне лесные колокольчики. Я даже слышу, как они позванивают».

От правильности их языка веет холодом, и все-таки кажется, что другого русского не существует, холод этот изящен.

— Сварщики приходят вечером, — продолжает Здислав, — усталые. Видели, как они работают... Приходят — чуть не падают, а то и прямо валятся в постель. И тут сверху, со стены, этот голос. Женский...

«Если ты, сынок, не научишься различать цветы, тебя минуют многие радости жизни... Назови мне, пожалуйста, где и когда ты впервые увидел их. Может, у тебя есть какие-то истории? Говори мне о цветах».

— Тут можно выключать радио и начинать грезить, — вполголоса говорит Здислав. (И он не выключает радио.)

Голос самого Здислава низкий и домашний. Мой коллега утверждает, что у него типичный голос диктора польского радио. Он руководитель молодежного штаба участка, совсем недавно был одним из организаторов песенного фестиваля в Сопоте. Здесь у него своя «собственная» передача — он ведет «Класс серьезной музыки». Это по средам.

— Тоже вроде моей профессии, — говорит он с едва угадываемой иронией.

Когда-то он учился игре на виолончели. (Маленький Здислав без нынешней черной бороды и без намека на лысину покачивается рядом с огромной виолончелью.) Но страх посвятить этому покачиванию жизнь и остаться музыкантом средней руки поселился в нем. И все-таки музыка осталась с ним. Теперь она не обязывает его ни к чему, и он может любить ее свободно.

— Это обычно лекция? По средам? — спрашиваю я.

— Не совсем. Мы так близки к своим слушателям, нельзя поучать их... Я пытаюсь найти истории: кто и как жил из композиторов и как сочинил вот это. Прекрасной музыки накопилось так много, и она такая разная... По-моему, с ней произошло вот что: музыка оторвалась от сочинителей, и, на мой взгляд, лучшее, что можно сделать, это попробовать соединить их вновь. Конечно, тут и простор для дилетантизма, но и для хорошей фантазии тоже. Меня эта связь трогала всегда, и тогда, в детстве... Так что это не лекция. Сначала я говорю, а потом идет пластинка. Иногда мы перебиваем друг друга.

— А как вы узнаете, нравится ли все это?

— О, это просто. Нас встречают во дворе и говорят: «Опять вы затеяли какую-то волынку! Не надоело еще». — «А ты придумай что-нибудь поновей», — отвечаю я. Почти невозможно придумать что-то совсем новое. Недавно мы давали сорок часовых передач по «Хождению по мукам» Алексея Толстого. Вот когда боялись: вдруг не понравится? Убьют! А большинству понравилось... Это не один актер читал — целый театр.

— А где поляку это могло понравиться больше: в Польше или здесь?

— Конечно, здесь.

...Они выходили в свой маленький эфир два раза в день: на сорок пять минут утром, когда все еще собирались на работу, и потом вечером — с половины шестого до без пятнадцати десять. Если попасть в их поселок в понедельник, то можно было услышать польские новости. На радио их было трое, и они сами отбирали то, что считали интересным, записывали на магнитофон и потом крутили эту ленту. Понедельник был еще и спортивным

Сохрановка

днем, и они давали записи спортивных событий Польши. Но главным все же был здешний спорт. Тут был простор для своих комментариев: все друг друга знали, знали, как неудачно упал их вратарь во время матча с ворошиловградцами, знали, что он сказал своим защитникам и что те ответили ему. (Они проиграли тогда 0:2.)

По вторникам они сообщали о маленьких событиях поселка. («Внимание! У кого есть охота и время, те могут пройтись сейчас к домику № 9 и взглянуть, какой красивый заборчик они там себе сделали. Пётро, который его варил, даже выписал на нем прутьями свое имя. Он и сейчас еще сидит там — любуется. Цветы можно не носить, но если кто желает...» Пауза. «Сегодня, как вам известно, было собрание. Вы все там, конечно, были и знаете, о чем шла речь. Но мы тоже там были. Может, наши мнения не совпадут...»)

Среду в своем рассказе Здислав пропустил — он уже говорил о ней.

В четверг говорили только о своем участке: как идет работа и кто лучший. (Они прожили трудную снежную зиму. Не было дорог, а концы до мест работ были большие. Еще тяжелей оказалась весна — дожди и много балок, речушек. Но в мае погода наладилась, и дело пошло хорошо. Сейчас, летом, они работали по десять часов, чтобы зимой работать поменьше, а в студеные дни не выходить совсем. Как крестьяне.)

А в пятницу они рассказывали обо всем газопроводе. (Каждый день к общей трубе прибавлялось семь-восемь километров. Это был взгляд сверху, и тогда лучше становилось видно свое.)

Суббота была днем новостей всего мира. («Хотим еще, — говорил Здислав, — рассказывать в этот день о районе: как идет уборка, как что. Это будет рассказ о наших хозяевах».)

— А что нравится, Здислав, так, чтобы безоговорочно?

— Сплетни, конечно. Кто-то вчера выпил лишнего, устроил драку, и вот теперь он едет в Польшу — домой. Хороших ему размышлений... И нам тоже.

— Часто такое?

— Бывает. За два месяца трое было.

— Ну это немного.

— Много, — не соглашается Здислав.

(В поселке их почти полторы тысячи.)

— Здислав, так поездка сюда все-таки награда? — спрашиваю я. — Для самих едущих?

Здислав пожимает плечами:

— Для здорового и неглупого человека всякое путешествие — награда. Не так ли?

— А бывают такие неожиданности, когда вы сразу выходите в эфир, как «Скорая помощь»?

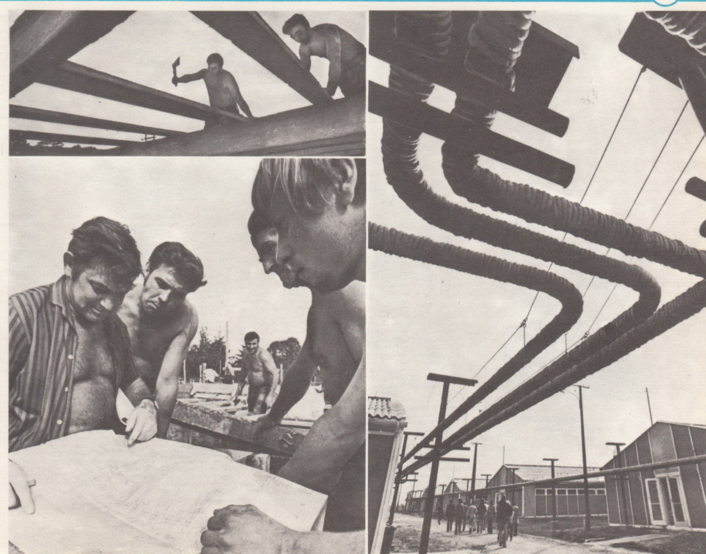
— Конечно. Но это обычно неприятные вещи. Люди, например, пришли, а столовая закрыта, хотя уже час должна работать. Или авария... Но вот ансамбль к нам приезжал — мы сразу сообщили.

— А кстати, как с ансамблями?

— Да, есть такой договор. Ни один наш ансамбль, приезжающий в вашу страну, не имеет права не заехать к нам. Причем именно первое выступление должно быть у нас... Но им пока как-то удается объезжать нас. Один только был.

— Вне связи, Здислав... Как вас здесь встретили? И как вам вообще живется? На это трудно ответить, но мы едем, чтобы понять это «как». Если не поймем — проедем зря. Помогите нам.

— Как вам сказать. Тут надо сначала... Встретили нас с таким теплом, на которое мы, честно говоря, не имели права рассчитывать. Мы никто для них были. Для всех этих людей, живущих здесь. Просто незнакомые люди — и все. Нам как бы дали в долг без отдачи. И дали много. И дают. Кто ж не знает, что такие долги надо платить в первую очередь... И вот мы живем

и пытаемся изо дня в день доказать, что мы тоже вполне хорошие люди. Не смейтесь, это действительно так. Не то что хорошие работники, а люди — сами по себе. Мы понимаем, что мы разные. И нас много. Но для соседей мы должны быть только хорошими. Как они для нас. И кто это понимает, тот, конечно, старается... Не знаю, помог ли я вам? В общем, Польша стала им понятней, а нам — вы. Что еще будет — кто знает. Но уж наверняка можно сказать: хорошего будет больше. Заметьте, я не говорю о трубе. Что труба будет — нет сомнений.

— Давайте, Здислав, поразмышляем еще над одной вещью. Это трудно, и точный ответ вряд ли кто знает. Но каждый знает свое... Как вы себе представляете, ну, скажем, идеал человека для жизни здесь — вдали от дома, среди иностранцев, с трудной работой? Такого человека, который бы не только не страдал от всего этого, а был бы вполне благополучным. Не в ссылке, извините, и не на заработках, а именно благополучным. Кто этот человек, по-вашему?

— Хорошо. Я попробую, — говорит Здислав. — Мне самому интересно. Только это будет мое личное мнение. И потом мне будет трудно, тоже учтите.

— Мы попробуем вместе.

— Первое, — начал Здислав. — Это не может быть совсем молодой человек. Я в этом уверен. Он должен уже иметь семью. Кстати, вы знаете средний возраст людей на газопроводе?

— У немцев, например, двадцать пять. У вас — двадцать восемь...

— Вот. То есть это должен быть уже зрелый человек. Такой вынимает деньги, чтобы тратить их, и знает им цену. Тогда эти деньги не пойдут на пустяки или на гадость — скажем, на водку. Надо беречь, будет рассуждать он, потому что дома меня ждут с деньгами. Больше того, уже рассчитывают на них.

Второе... Это должен быть хороший работник. Если человек любит свою работу, он будет получать от нее радость и тратить эту радость на те обязательные печали, которые все же тут есть: мы далеко от дома, от семей, от привычности жизни. К тому же человек в чужой стране как бы теряет право на проявление негативных эмоций. Это тоже много значит. У плохого работника не будет этой постоянной радости и, значит, будут только печали. И он не выдержит долго.

Третье... Это не может быть ограниченный человек. Он должен иметь какие-то посторонние интересы в жизни. Неважно какие. Уметь, скажем, читать, уметь слушать музыку, любить интересный разговор, уметь быть интересным для другого. Да просто, наконец, уметь сидеть на земле и смотреть вдаль. Но получать от этого наслаждение — это непременно. Он может любить птиц или, напротив, кошек. Да хоть собак... Может любить смотреть в небо или любить уют своей комнаты. Он многое может и очень по-разному. Но он должен иметь это *что-то,* и лучше иметь больше... Ну вот, я иссяк. Помогайте.

— Только вопросом. Кому, по-вашему, здесь будет лучше: человеку общительному или, напротив, тому, кто живет так: отработал, пришел — лег и отвернулся к стене?

— Конечно, общительному. Отвернувшись к стене, можно жить недолго: день, два, неделю. Потом сломаешься.

— А из какой он должен быть среды? Лучше ли, например, из Варшавы? Или, наоборот, из деревни?

— Действительно... Легко подумать, что больше приспособлен к трудной жизни человек более естественный, более близкий к природе. Он не изощрен в получении удовольствий, не требовательный... Но я все-таки думаю, что это все равно, откуда он. Те черты, которые мне кажутся обязательными, не делает только Варшава или только деревня. Их делает и не делает и Варшава, и деревня, и какой-нибудь крошечный городишко... А вы-то как думаете?

— Мы едем, мы пока собираем все.

Здислав засмеялся.

— Может, в конце что-то решим, у Западной границы...

— Тогда сообщите мне, ладно?

Пора было начинать вечернюю передачу, и мы отправились с ним в радиоузел.

Это оказалась маленькая комнатушка в одном из домов, в самом дальнем краю длинного коридора. В двери было окошко — довольно большое: по-видимому, для того, чтобы приходящие не стучались, мешая своим стуком, но чтобы их все же было видно.

Здислав сказал в микрофон: «Добрый вечер» — и что-то читал — наверное, новости, когда я оглянулся на дверь. В окошке было лицо. За дверью стояла женщина. Терпеливость и серьезность были в ее взгляде и во всех чертах молодого узкого лица — те самые терпеливость и серьезность, которые приобретают вдруг лица женщин работящих и простых, когда они идут куда-нибудь с просьбой непривычной для них, но совершенно обязательной. Что у нее была за просьба, угадать было невозможно, как невозможно было угадать очертания ее тела, закрытого дверью.

Здислав подошел и отворил дверь. Оказалось, там стоит еще и девочка лет семи, прижавшись к ноге матери. И ее лицо замерло в том же выражении, только еще любопытство светилось в нем.

Женщина молча протянула Здиславу клочок бумаги. Можно было говорить — в эфир шла музыка с проигрывателя, но женщина не знала этого и молчала. Они так и ушли молча — серьезные и терпеливые. И еще очень уверенные в том, что сделали свое дело правильно и хорошо.

На клочке было написано: «Любимые мужья Андрей и Чеслав! В связи с первой годовщиной жизни на Украине желаем вам всякой удачи и удовольствия от работы. И еще желаем, чтобы то время, которое вы проведете без Польши, до возвращения в наш родной дом, прошло быстро.

Желают вам этого ваши жены — Здиша и Алита. Дети тоже поздравляют вас и целуют». Внизу была приписка: «Передайте им это в 20.00».

Такого имени — Алита — не существовало в Польше, и Здислав предположил: «Может, он так ласково зовет ее».

...В 20.00 Андрей и Чеслав, которых мы никогда не увидим, сидели за столом. И дети были рядом, и жены. Ровно в восемь Здислав взял микрофон (мы были в это время далеко-далеко) и тихим домашним голосом, так похожим на голоса польских дикторов, как утверждал мой коллега, начал читать: «Любимые мужья Андрей и Чеслав...» Дети и жена смотрели в это время на отца молча и серьезно, как глядели недавно на Здислава та женщина и девочка, стоявшие в распахнутых дверях.

Станислав ШИПУЛЬСКИ,
«Радар», Варшава

Одна старая шутка говорит, что поляк, не размышляющий о выгоде любого начатого им дела, еще не совсем поляк. Плохо ли это или хорошо, но поговорим о выгодах.

Начну с того, что этот газопровод уникален. Он уникален по своим масштабам — по протяженности, уникален технически и не имеет сравнения в мировой практике по самому способу строительства — по применению сил и возможностей стольких дружественных стран. В чем же он нам выгоден? А в том, что наши строительные фирмы, принимающие участие в этой работе, получат колоссальный опыт, который сразу же поднимет их акции как у себя в стране, так и на международном рынке. Кстати, Польша никогда так решительно не выходила на международный смотр, как вышла сейчас — в связи с этим строительством. Поэтому наши строительные фирмы хотят, чтобы это их «произведение» — а мы строим и дома, и компрессорные станции, и кладем трубу — стало визитной карточкой польской технической мысли, карточкой, которую не стыдно было бы предъявить любому самому требовательному заказчику.

Затем: мы получим столь необходимый нам газ — 2,8 миллиарда кубических метров в год. Надо учесть, что у нас в стране уже дефицит газа.

Но это, так сказать, общие выгоды. Но есть и личные. Любой работающий здесь специалист имеет возможность и необходимость повысить свою квалификацию до самого высшего класса.

Работа, конечно, трудна. Но и в этом есть своя выгода. Человек с еще не сформированным характером сформирует его здесь и вернется домой с опытом не только трудовым, но и жизненным. Работа здесь дает возможность приобрести друзей. Настоящих, проверенных в самых трудных ситуациях. У большинства уже есть такие друзья, и эта дружба с продолжением и, может быть, даже на всю жизнь. Люди уедут, расстанутся, а дружба останется. Если в общей сложности здесь побывает четыре тысячи поляков, то это будет четыре тысячи дружб, то есть полнейшего и уважительного понимания друг друга. Наконец, наши ребята увидят и узнают эту землю, как невозможно ее узнать и увидеть ни в одной туристической поездке. Наш участок как раз между двумя реками — между Доном и Днепром. Эти две реки как бы окаймляют его, и увидеть эти две огромные реки — не только увидеть, а жить на них — это уже огромное богатство.

Вот те измеримые выгоды, которые получают поляки. Вот что неизмеримо: мы сейчас делаем то, о чем раньше думали. Мы знали такие слова — экономическая интеграция стран социалистического содружества. Теперь мы знаем, об этом и говорили мне ребята с нашего третьего участка, что это прекрасное дело: в нем много добра и удачи.

Участок четвертый: КРЕМЕНЧУГ — БАР

На каждом участке мы пытались выяснить у радушных хозяев, что они сами у себя считают самым типичным, характерным. Петер Зих, заместитель руководителя молодежного штаба немецкого участка, с ответом был скор:

«Когда стройку только еще обсуждали, наше руководство тогда еще решило передать ее молодежи. Сейчас она объявлена ударной молодежной и считается самым крупным объектом, над которым шефствует Союз свободной немецкой молодежи. 64 процента наших строителей, а всего их 4500 человек, еще не справили своего двадцать шестого дня рождения».

Какие же особенности жизни и какие проблемы связаны, по мнению наших немецких товарищей, с таким молодежным «засильем»; все-таки «где молодежь, — усмехнулся один из них, — там всегда что-нибудь происходит». Проблемы тут, собственно, две: отбор кандидатов и воспитание молодых рабочих на самой стройке. В свое время 12 тысяч человек подали заявления о желании поехать в СССР. Отбор поэтому шел и сейчас идет, исходя из двух принципов: во-первых, молодой кандидат должен достойно представлять свой рабочий коллектив с точки зрения профессии. Во-вторых, он должен быть далеко не последним человеком в общественной жизни своего коллектива. Такой полномочный депутат молодых рабочих коллективов и становится кандидатом на стройку газопровода.

Но жизнь есть жизнь, и утомительная работа с отдачей всех сил не одного лишь желания, но и умения, закалки требует, и оторванность от дома и родных свое настроение рождает...

«Вот почему мы смотрим на нашу жизнь здесь и на нашу работу как на школу жизни каждого молодого человека, как на университет, в котором обучаются будущие коллективы будущих больших строек ГДР. Поверьте, слова «я был на газопроводе», «мы клали газопровод дружбы» в будущем станут лучшей рекомендацией для любого молодого рабочего, для любой молодежной бригады».

—КОГДА ВЫ ПРИЕДЕТЕ В СЛЕДУЮЩИЙ РАЗ...

— ... вы не застанете здесь никого из нас. Нас просто не будет. Будет стоять наш городок. Может быть, в нем будут дети, если это будет пионерский лагерь, а может, здесь будут жить ваши строители. Но нас-то не будет — это точно. Мы сделаем свое дело и уедем.

Вольфганг Сухий, заместитель руководителя партийного штаба немецкого участка, оглядел всех нас. Стол был большой, но это не мешало быть ему уютным. Две девушки в белых халатах, с такими же чистыми, совершенно новыми улыбками, принесли кофейники — тоже белые.

— Сами понимаете, мы принимаем не первых гостей. Я позволю себе говорить по схеме, которая уже есть. Вас, как я понимаю, интересует, как мы живем здесь и зачем. Попробую говорить фактами. Ничто не убеждает по-настоящему журналистов больше, чем факты и цифры. Первое — мы называем свой участок трассой «Дружба». Наше руководство заранее решило передать стройку молодежи. Ей жить дальше, им вспоминать эту стройку, и, я думаю, руководство решило правильно: пусть они вспоминают эту стройку, эту жизнь здесь, все, что они здесь увидели и сумели получить и отдать. Пусть это будет с ними всю их долгую жизнь. Поэтому, хотя мы и живем в Советском Союзе, стройка наша по праву считается молодежной стройкой ГДР. Шестьдесят четыре процента работающих здесь — это люди моложе 26 лет. И мы сделали вот что. Из двухсот наших бригад мы сделали половину — то есть сто — чисто молодежными. Пусть эти люди будут сами с собой, пусть они заведут между собою такие отношения, которые бы потом им дали возможность сказать: «Да, мы сами все делали — от газопровода до своих собственных рабочих и интимных отношений, и мы достигли вот этого». «Да, — скажут они, — нам было хорошо». Или пусть кто-то скажет: «Нам было по-разному, но ведь это мы, только мы сделали это». Думаю, что людей обиженных будет мало. Мало потому, что они поймут и уже, надеюсь, понимают, что все зависит от них и только от них.

А теперь спрашивайте...

Марио Папп, «Ифьюшаги магазин»: «Сколько получают ваши строители?»

— Зарплата обыкновенная, с учетом трудности работы. Сами понимаете, сварщик не может получать столько же, сколько, например, человек, работающий в конторе. Плюс к этому премии — от двадцати до пятидесяти процентов зарплаты и командировочные.

Станислав Шипульски, «Радар»: «Расскажите о системе отпусков».

— Мы работаем по три месяца, потом месяц отпуска. Такая система создает видимость слишком быстрого движения людей. Вроде бы никто не сидит на месте. Но это не так. Мы уже подладились к этому, создана система взаимозаменяемости, и то, что у нас всегда нет одной трети работающих, не мешает нам. Две трети всегда здесь.

Петер Троян, «Млади свет»: «Каковы особенности вашего участка? Именно вашего, по сравнению с другими?»

— Честно говоря, не могу сказать. Могу говорить только о том, что уже говорил, — о том, что мы вообще делаем. Есть труба, есть работники, есть ручьи, реки, дороги, трудности... У одних меньше, у других чуть больше, дело житейское.

Кольо Панамски, «Народна младеж»: «Как у вас обстоит дело с соревнованием?»

— Вот вопрос, на который отвечать надо долго... Если позволите, я начну с самого начала. Мы вообще не представляли себе работу здесь без сравнивания себя с другими. Я потом расскажу о подробностях, пока главное. Мы участвовали в соревновании за обладание знаменем строителей БАМа, и наши кременчугские строители завоевали это знамя. У нас есть и другое знамя — вы проходили как раз мимо него, там, в столовой. Это знамя ЦК ССНМ мы получили как раз накануне IX съезда СЕПГ. Это, пожалуй, наша самая большая гордость.

Томас Вендт, «Нойес лебен»: «Есть соревнования и другие, я слышал о них... Я имею в виду такие, где каждый видит друг друга».

— О чем вы?

— Ну вот, я слышал, соревновались парикмахеры...

— Да. Действительно, соревновались... Штукатуры тоже соревновались. Наши и здешние. Год уже, как они стригут и штукатурят наперегонки... Шутки шутками, но дело-то это прекрасное. Представьте себе: двое людей, двое мастеров на глазах у всех делают свое дело — это такая, скажу вам, картина... Вот только что был конкурс шоферов. Настоящее было соревнование. У них, советских, свои прекрасные шоферы, у нас — свои. Наши комсомольские организации договорились: давайте попробуем, поглядим, кто лучше. Мы, кстати, были немножко в затруднении. Нет у нас ЗИЛов. В ЗИЛах непривычное для нас управление. Не буду преподносить вам это как триумф, но мы победили... Хотя не в этом дело. Вот мы, например, в сварке никак не могли соревноваться с русскими. И до сих пор не можем. Но есть другое: мы можем учиться и соревноваться сами с собой, со своим прежним опытом и умением. Мы отправили своих сварщиков к самым лучшим советским. Это на венгерский участок, в Хуст. Ждали, признаться, с волнением: научатся ли они там, не научатся — работа есть работа. Вышло все вот как: мы до этого варили пятьсот метров в день, ну, пусть шестьсот, а те, лучшие, советские, варили тысячу. Они и сейчас так варят. Когда наши приехали из Хуста, то стали варить семьсот, иногда и восемьсот даже... Есть здесь соревнование или нет? Мы учимся друг у друга, делая одно дело, делая его на всех, как говорится, уровнях — на рабочем, партийном, комсомольском.

Уже год с лишним мы живем на украинской земле. Мы ведь не только работаем здесь, но и отдыхаем, а случается — празднуем и печалимся вместе. Я могу точно сказать: здесь, на Украине, мы еще раз ощутили, что Ленинский комсомол — действительно лучший друг нашего Союза свободной немецкой молодежи. До семьдесят восьмого года всего немного. Мы, как вы сами понимаете, сделаем все, что можем, и — уедем. Но уедем все же не совсем такими, какими приехали...

«Ровесник»: «Вопрос ко всем, или, вернее, к каждому присутствующему здесь немецкому товарищу. К тому, кто захочет ответить. Вопрос такой: есть ли у вас личный, советский приятель, друг? Что вы о нем можете рассказать?»

После переглядываний, подталкиваний в бок — «давай ты расскажи!» — поднялся Вальтер Форверк. На чистом русском языке он представился:

— Я начальник отдела информации нашего четвертого участка, так что мне вроде по должности положено знать... Конечно, я и про себя мог бы сказать, но как-то неудобно. Я расскажу об одном парне, электрике, он вообще в Александровке работает. Так вот, стоял хороший весенний день, кстати, воскресенье, и наш электрик отправился в городской парк. Чтоб не затягивать историю, скажу, что вышел он оттуда не один и к тому же влюбленный. 22 ноября наш электрик и симпатичнейшая черкасская девушка-телефонистка сыграли свадьбу... Как руководитель отдела информации, могу сообщить, что свадьба эта, по всем данным, не последняя...

И еще думаю, что каждый из нас мог бы рассказать о своих встречах и своих друзьях. Ненароком вы навели меня на одну мысль: если собрать все эти эпизоды вместе, интересная была бы книга! Как вы считаете, журналисты?..

Кременчуг — Бар

Томас ВЕНДТ,
«Нойес лебен», Берлин

Еще в начале прошлого года в песках восточного берега Днепра вблизи города Кременчуга проросли небольшие маркировочные колышки. Теперь они годятся в экспонаты музея, который собрал бы все о начале строительства участка газопровода, на котором трудятся рабочие из ГДР. Члены Союза свободной немецкой молодежи назвали свою стройку трассой «Дружба».

Генрих Гилшер — ему двадцать шесть — из округа Геры. В его бригаде 12 рабочих, которые в те дни, когда мы были на стройке, делали опалубку стен складского помещения компрессорной станции. Генрих приехал сюда в мае прошлого года, таким образом, он принадлежит к пионерам первого часа.

Что его особенно впечатлило в этот первый час?

— Перво-наперво это размеры стройки, они еще раз убедили нас в необходимости совместных действий.

На подготовительных курсах, которые устраивались для рабочих, едущих сюда, Генриху уже рассказывали о масштабах «трубы»: самый длинный газопровод в мире, самый крупный молодежный объект Союза свободной немецкой молодежи, над которым он когда-либо шефствовал. Так что Генрих вполне представляет себе те надежды, которые связывают на родине с их работой здесь, на участке, протянувшемся по Украине на 518 километров. Когда работы будут закончены, наша страна будет получать ежегодно столько голубого горючего, сколько дают его 20 миллионов тонн бурого угля.

— А еще меня манила возможность встреч и знакомств с новыми людьми, их нравами и обычаями. Конечно, я многое слышал об этих обычаях и традициях уже на подготовительных курсах, где, кстати, и познакомился с будущими членами своей бригады. Вот еще что... Здесь быстрее и лучше, чем дома, узнаешь и своих земляков. Здесь ведь нельзя жить, обособившись от других, бригада постоянно вместе, вместе работает — это шесть дней в неделю, вместе после каждых 12 недель работы едем домой в отпуск. Сама обстановка заставляет нас быть искренними и честными. Хотя, конечно... постоянно быть вместе — это тоже проверка, это подчас труднее, чем сама работа...

Пять компрессорных станций должна построить наша страна на этом участке газопровода. Наверное, когда-то ребята из бригады Генриха Гилшера представляли масштабы своей работы как удивительные. Теперь они увидели, что их «головной проект» в масштабах всей стройки, тем более Советского Союза, смотрится всего лишь как маленькая компрессорная станция. Но ведь станция эта, вернее — каждая из пяти, занимает около пяти гектаров территории (что соответствует площади шести футбольных полей), а помещение ее — пятиэтажный дом.

— Ты поедешь сейчас обратно в Черкассы или заедешь еще на Алекс? — спросил меня Генрих при расставании.

Мне показалось, что я ослышался. Впрочем, мне тут же объяснили, что Алексом они называют здесь не Александерплац в Берлине, а Александровку. А к слову «заехать» я уже привык. Ведь это всего в трех часах езды отсюда.

— Нет, Генрих. Мне чуть дальше — в Богородчаны, к венграм.

Участок пятый: БАР — ЗАПАДНАЯ ГРАНИЦА

До границы от города Бара 516 километров. По кручам Карпат, через реки, по уступам над ущельями. Трудный участок и, конечно, как, впрочем, и вся работа по строительству магистрального газопровода, недешевый. Общая стоимость строительства газопровода превышает 2 миллиарда рублей. Но вспомним, что энергия газопровода равна энергии пяти Братских ГЭС; что это миллионы тонн газа на протяжении двух десятилетий для социалистических стран и дополнительное топливо для нашей страны; и не только газ, но и большое количество серы, конденсата и других ценных веществ. Наконец, это тысячи новых рабочих мест, новые дома, школы и другие столь нужные обществу сооружения.

«Создать в Оренбургской области новый крупный район по добыче и переработке газа...» — такая строка была записана в Директивах XXIV съезда КПСС. Записана и выполнена.

«Построить с участием стран — членов СЭВ газопровод к Западной границе СССР». Такая строка записана в решениях XXV съезда. Записана и успешно выполняется.

Но выполняется и еще одно строительство: новых отношений между людьми, строительство нового человека. То, о котором говорил товарищ Л. И. Брежнев: «Мы хотим, чтобы мировая система социализма была дружной семьей народов, вместе строящих и защищающих новое общество, взаимно обогащающих друг друга опытом и знаниями, — семьей сплоченной и крепкой, в которой люди земли видели бы прообраз будущего мирового сообщества свободных народов».

В КОНЦЕ ПУТИ

Как странно долго шедшему человеку вдруг остановиться и, не поворачивая головы, попытаться увидеть весь путь, оставшийся позади. Но это необходимо — иначе зачем было идти так долго?

Теперь, остановившись, мы могли бы, кажется, быть более интересными собеседниками для тех, с кем встречались раньше. Но для этого надо было пройти весь путь от начала до конца.

Всё, мы у Западной границы... Мы приехали со всеми вопросами, что были у нас еще вначале, — о том, кому и почему на этой стройке хорошо, а кому хуже; — о том, кто и как представляет себе идеал человека для жизни здесь, «на трубе»; и где их взять, столько идеальных людей, чтобы их было двенадцать с лишним тысяч?— и мы уезжаем отсюда со своими ответами. У нас было много встреч и расставаний (знаете, по одним только встречам человека не поймешь), у нас появилось много новых знакомых нам людей...

...Знаете пронзительную чистоту закарпатских городков в тихую солнечную погоду? Таких городков, которые и городками назвать трудно, потому что к ним подходят все уютные названия, которые вообще изобрел язык: поселок не поселок, деревня не деревня, но это и поселок, и деревенька, и городок — все вместе. Так выглядят Богородчаны.

Здесь три тысячи местных и почти тысяча венгров. Но их вряд ли отличишь друг от друга.

Сейчас мы идем по парку, идем всем гуртом — все тринадцать, потом вдруг останавливаемся, потому что останавливаются наши хозяева (их много, и они добры к нам), и тогда они что-то рассказывают.

Вот сейчас они говорят о том, что совсем недавно их парк выглядел так, что неудобно сказать (поверьте, что это невозможно представить, но им видней). Потом произошло вот что. Венгры и местные обсуждали какие-то свои дела, и кто-то вслух посожалел о том, что вот лето, по вечерам все в парке, и совсем неплохо б было привести его в людской вид. И только кончился рабочий день, как 80 венгерских машин вместо того, чтобы отправиться в свои венгерские гаражи, отправились в парк. Они везли щебень. А через полчаса все было готово. Дорожки стали как новые, и мы теперь идем по ним, не веря, что они могут быть другими.

...Потом мы вышли на улицу без названия, и нам открыли секрет. По крайней мере, человек, говоривший нам о нем, так назвал его. Но какой это секрет, если его рассказали журналистам? У улицы будет название лишь на будущий год, потому что только тогда венгры закончат строить здесь 145-квартирный дом и детский сад. Но название уже есть, хотя венгры его и не знают. А может, и знают. Это неважно, потому что такой сюрприз остается сюрпризом, даже если о нем знают все и с самого начала. Будет день рождения Белы Куна, и эту улицу назовут его именем. Это уже решено. Правда, будет это не скоро. Пока же идет стройка как стройка — совершенно обыкновенная и, как обычно, малоинтересная для людей, которые не видели ее начала или сами не поработали на ней хотя бы день. Но говорят, что однажды рано утром сюда пришли венгры, чтобы начать строить детский сад, и их здесь ждали дети с цветами. Это было совсем рано, и венгры вряд ли ожидали такой встречи. Говорят, они брали цветы, и некоторые из них не выдерживали и отворачивались, потому что им было невмоготу радостно и тревожно.

Тогда они придумали вот что. Они положили в котлован «клад». Сейчас ничего этого не видно, уже поднимаются стены, но там, внизу, лежит тот «клад» — два флажка, новенькие монеты — только этого года, 1976-го, и еще газеты. Кому-то из местных журналистов здорово повезло, потому что там лежат газеты с их статьями о венграх и наших, работающих тут рядом. «Клад» никогда не будут искать, но всегда будут знать, что он лежит вот здесь.

...Я ушел от всех и сидел в стороне. И вдруг увидел ворону. Она сидела на крыше над бетономешалкой и вела себя странно. Она задирала здоровенным клювом толь и все хотела найти

Марио ПАПП,
«Ифьюшаги магазин»,
Будапешт

Говорят, что венгра всегда, где угодно, можно узнать по тому, что у него никогда нет зонта, что ходит он по проезжей части дороги, рядом с тротуаром, и всегда что-то насвистывает. Там, где я сейчас побывал, венгры действительно ходят без зонта, но вот что до других признаков... Там не то что будапештских тротуаров еще нет, но нет еще многого другого, намного более важного и необходимого, чем зонт. Но вот что есть: хорошее настроение, тем более сейчас, когда уже видно, что будет на месте многих «нет еще».

В Прикарпатье и Закарпатье не знали этого присловья, но зато оказалось достаточно одного года работы двух тысяч венгров, чтобы у него родился украинский братик: «Венгр тот, про которого не знаешь, отдыхает ли он вообще или только работает...»

Ведь здесь буквально из земли должны вырасти школа, детские сады, магазины, санаторный комплекс, 500 квартир.

Область встречала венгров, как встречают, наверное, только героев войны или космонавтов. Тогда прозвучало много красивых слов и обещаний. Но ведь есть и такое присловье: кто скромно молчит, говорят, тот хорошо и работает. О делах нельзя судить лишь по словам.

— Прошедший год убедил нас в том, что венгры умеют и то и другое — и говорить, и, главное, работать, — так сказал нам С. В. Лукьянчук, первый секретарь Богородчанского райкома партии. — Товарищ Плачко, директор венгерского участка, обещал тогда в приветственной речи, что венгры выполнят работу качественно и раньше сроков. И они сдержали слово.

Вратарь местной футбольной команды — а в будни строитель — Йожеф Радич рассказывал так:

— В Хусте, в мороз минус 20 градусов мы ежедневно строили три квартиры. Собралось полгорода наблюдать, как с постоянно прибывающих грузовых машин сразу же все и монтировалось. Вот как здесь увидело свет маленькое «венгерское чудо»: столько раз руганная и критикованная дома венгерская строительная промышленность показала себя желанным и высокоценимым гостем. В Венгрии, — ехидно добавил Йожеф, — до сих пор ломают голову, почему нельзя так же хорошо и быстро работать и дома...

Перечислять цифровые данные, оценивать результаты — дело специалистов. Я же искал ответ на другие вопросы. А прежде всего на такой: когда и по каким причинам жизнь становится жизнью? Я искал ответ там, где рождается образ мышления, мировоззрение, там, где учатся будущему люди, приехавшие из разных краев, говорящие на разных языках. Я бывал на стройках и в конторах, у директоров и у подсобных рабочих. Слушал интересные истории, меня посвящали в радости, заботы и проблемы. И хотя мне казалось, что я становлюсь все ближе и ближе к разгадке тайны, выразить это в словах я не мог. Наконец в последний день под Ивано-Франковском мы побывали в летнем лагере прыгунов с лыжного трамплина. Шла тренировка. Я обратил внимание на двоих: на бетонном парапете стоял один, готовый к прыжку, перед ним, ниже — второй, в напряженном ожидании. Неожиданно первый оттолкнулся и полетел. В тот неуловимый момент падения, в какие-то доли секунды, его подхватили две сильные руки, и он остался в воздухе. Так повторялось снова и снова, пока упражнение не достигло совершенства. Это было захватывающе и пленительно. Это было торжество уверенности людей друг в друге...

Мне вспоминаются слова, сказанные молодым венгерским инженером, секретарем ВКСМ венгерских строителей Петером Балашем, слова, объясняющие, как обыденные понятия вырастают в возвышенные.

— Эту работу нельзя не сделать и нельзя сделать нехорошо. Ее просто нужно сделать и сделать хорошо.

там что-то. Она уже совсем задрала край толя, но продолжала тыкаться носом в старые доски и недовольно ворчала. Не каркала, а ворчала: хрипло и коротко. Кусок хвоста у нее был оборван, и вся она была какая-то комканая и в то же время домашняя и уверенная. Она уже готова была содрать всю крышу, настолько была недовольна, когда венгр внизу начал что-то говорить ей, словно извинялся. Я ясно слышал только одно слово, оно все время и повторялось. «Уж не имя ли?» — подумал я. А тот все говорил: «Чури... Чури... Чури...» Наконец ворона, смилостивившись, спрыгнула с крыши — и прямо ему на руку. И он стал гладить ее. И опять бормотал ей что-то. И это: «Чури... Чури... Чури...»

Конечно, это была необычная ворона. И вот ее история. К сожалению, рассказал ее не человек, который и начал эту историю. Он сейчас в отпуске, дома. Он подобрал ее птенцом и выкормил. Мужчины, как известно, в долгом одиночестве становятся или угрюмыми, или сентиментальными. Здесь они, оказывается, еще и веселые. Ворона стала есть все венгерские блюда, даже паприку. (Не могу этого представить, она же прямо огнем горит во рту, но утверждают, что это так.) И зовут ее действительно Чури — так в Венгрии часто зовут воробьев. Она, как на работу, прилетает сюда каждое утро, проводит здесь весь день, а вечером провожает своих друзей до автобуса. Чури любит их всех, кроме одного. Он напоил ее однажды вином, и она доверчиво напилась. Она летала боком, тыкалась в деревья. и он поначалу смеялся, а потом не знал, что делать. Теперь она его просто не видит. Он пытался звать ее, когда оставался совсем один, он предлагал ей все, что только мог, — даже ее излюбленную салями, но напрасно...

Так у детского сада в Богородчанах сложилось три истории: одна — в земле, другая — в небе, а третья еще только складывается — история жизни будущего дома на улице Белы Куна. Дети, я думаю, будут знать все три истории, и какая из них будет более поучительной, кто знает. Но хорошо, что их много. Дом без историй был бы пустым.

Но мы все ходим...

Уже прошло больше года с того времени, как сюда приехали первые венгры. Многое уже стало историей. Все почему-то вспоминают, какой сильный в тот день был дождь. Поезд в Чоп опоздал на два часа. Дождь лил и в Богородчанах, но те, кто собрался на площади, не расходились. Еще дописывали последние плакаты и очень боялись, что они будут с ошибками, потому что очень хотели написать их непременно по-венгерски, а язык никто не знал настолько хорошо, чтобы совсем не сомневаться в написанном. Решили, когда приедут венгры, быстро найти среди них какого-нибудь человека попроще и поснисходительней, то есть попросту человека доброго, который бы потихоньку проверил все и поправил. И не осудил бы к тому же, и не рассказал об этом никому.

Его нашли, такого человека. И он действительно никому не рассказал об этом (ошибки, конечно, были), это уже наши рассказали потом. Прошло время, и можно было рассказывать об этом с улыбкой, как о курьезе с благополучным концом.

Потом они жили в больнице и в единственной здешней гостинице. Не ахти как удобно. Но, странно, сейчас все вспоминается по-другому. Те, кто встречал их тогда в дождь на площади, говорят: «Мы хотели сделать для вас минимальное: принять, накормить, устроить. Это все, что мы могли». Но венгры возражают, обидевшись и совсем не играя: «Не минимальное это, нет!» И потом переглядываются и молчат.

История продолжалась. Венгры хотели сделать себе главное, чтобы жить и работать. Тогда они не говорили об этом, сейчас, когда это сделано, говорят. Вот это главное: уютные дома, а не общежития — «плохо все-таки жить в общежитии долго»; второе — «чтобы кушали свое — национальное» (меня восхищает это **кушали** — венгры, между нами, любят хорошо поесть и умеют это делать); и третье — «связь с родиной, с домом — нельзя без нее». (В Хусте хорошо принимаются радио и телепередачи из Венгрии, потом их быстро передают сюда, в Богородчаны. Все близко и вместе с тем так недоступно: от Ивано-Франковска до Будапешта всего 700 километров, от Хуста до границы — 70 — два часа на машине.)

Есть уже и такие истории, в которых невозможно понять, где вымысел, а где правда. Кстати, если такие вообще существуют, значит, есть настоящая жизнь. По-моему. «Везли водонапорную башню. Огромную. Тридцать четыре метра высотой. Диаметр — пять метров и шесть сантиметров. Провезти ее было невозможно. И все-таки нашли дорогу: из Венгрии через Чехословакию, потом по Польше — и в Союз. И вдруг — шлагбаум, уже здесь, рядом. Что такое? Рядом со шлагбаумом стоит старик: «Не пропущу». — «Почему?» — «Я здесь стою двадцать лет, и никогда таких штук здесь не провозили». — «Но у нас разрешение...» — «Вот я вам и говорю: никогда не провозили и при мне не провезут. Понятно?» — «Понятно. Но есть разрешение. Мы проехали через...»—«А через меня не проедете».

— Связали его, что ли? — спросил я.

— Нет. Милиционер уговорил его... Вот теперь не знаем, как быть. Нам еще две такие же «штуковины» надо провезти. Специально ездили, договаривались, чтоб старика того сняли хоть на это время. Он же опять не будет пускать.

А «штуковина» та стоит в венгерском поселке. Серебристая, огромная — и хочешь верь в «историю», хочешь не верь.

Как-то однажды самый недоверчивый из нас спросил:

— Все так хорошо везде... Работа вместе, праздники вместе... А несчастье? Вместе ли? Праздник разделить легко, труднее разделить печали...

Есть, оказывается, и это.

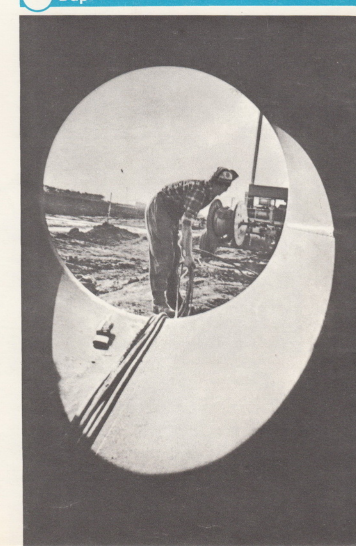
Венгра придавило плитой. Придавило скверно, хуже не бывает. Хуже только насмерть. Но он жил, и успели сделать все, что можно. Он уже день лежал в больнице, когда по поселку прошел слух: ему нужна кровь. К вечеру сестра в больнице зарегистрировала 18 человек наших — пришли, чтобы отдать свою. Двое скандалили, когда им сказали: «Спасибо, уже не надо». Все возможное действительно было сделано. Его друзья с подходящей группой крови легли с ним сразу же. Но шестеро из пришедших наших никогда его не знали близко, только видели. Один, оказалось, даже путал его с кем-то. «Все равно возьмите, — настаивал он. — Пришел же...»

...Теперь о том, чего мы не видели совсем. Может быть, это больше, чем мы видели или слышали, настолько, что, можно считать, видели.

Здесь еще будет школа, и построят ее венгры. Это в Богородчанах. А в горах будет дом отдыха. Место уже выбрано. Нам все рассказывали, какое оно красивое. В Хусте уже готов 109-квартирный дом. Там же уже стоит ресторан на 300 мест. Начато строительство баз, железнодорожных станций.

Бар

Но есть еще и сам газопровод. Здесь он пройдет в горах. Уже идет. Восемьдесят километров его ляжет на самых крутых террасах — некоторые участки пройдут на высоте более чем тысячи метров над уровнем моря. Газопровод пересечет Днестр. Только через одни автомагистрали ему предстоит перейти 108 раз. А еще 180 пересечений через ручьи, овраги, балки... Эту часть строят наши — самые опытные из тех, которые вообще у нас есть. Так говорят.

Вот и все, что я мог бы ответить, например, тому же Здиславу в конце нашего пути. И не ответил. Завтра мы вылетаем в Москву.

P.S. С нами, как вы помните, был и венгр (тот, что с бородой, он у нас один такой был). Возможно, то, что для меня гляделось лишь хорошим, для него было немного другим — его взгляд пристальней, потому что более любящий. Как говорят в подобных случаях поляки: это «укус сердцем». Сочтите его писание дополнением к моему.

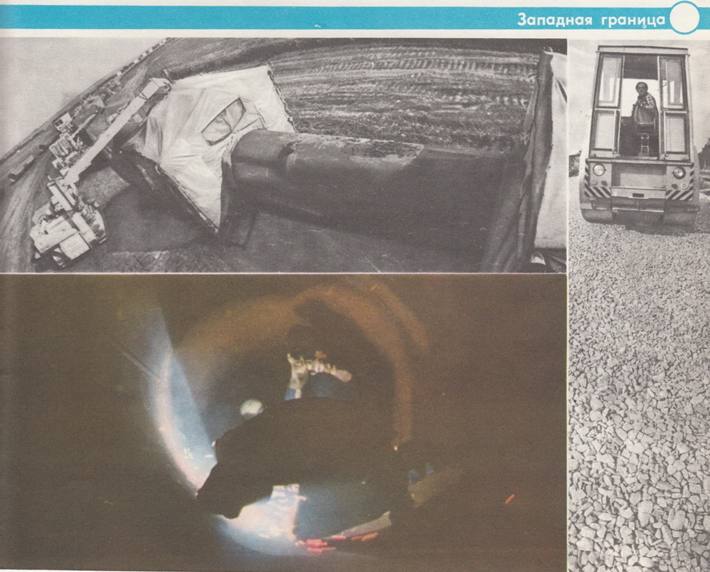
Человек идет со скоростью пять километров в час. Представьте, что ему надо пройти 2750 километров... Он пройдет мимо огромных городов, ему не миновать огромных рек, он пойдет зимой и летом, в непогоду и в тихие светлые дни. Ему надо пройти эти километры.

От Оренбурга до Западной границы идут тысячи работников; не идут, а работают, работают, чтобы оставить после себя чистую, не нарушенную работой землю, и под ней — стальную трубу с текущим по ней газом. И это трудно. Мы теперь знаем это точно. Но так уж получилось, что в самом конце пути нам, пролетевшим этот путь, позавидовали. Руководитель венгерского участка товарищ Плачко хотел бы проделать тот путь, который проделали мы. Он хотел бы хоть однажды увидеть *всё*. «Одно дело знать, другое — видеть, — с завистью говорил он. — Могу сказать почему... Когда мы все это только планировали, когда этот газопровод существовал только в разговорах и на бумаге, я, что скрывать, думал: «Неужели все это будет построено? Построено в эти сроки?» А теперь думаю: «Чего же мы все боялись? Пустяков боялись...»

Потом он, правда, говорил и о «пустяках», и выходило, что не такие уж они пустяки. И мы как-то на одном из участков — это было на участке ГДР — спросили у немецких специалистов. «Будь мы волшебниками, чего б вы хотели от нас? Представьте, мы можем все... Говорите». — «Погоды, — был ответ. — Потом чтоб все работали все-таки еще лучше. И еще... чтобы не случалось ничего плохого. Даже в мелочах».

К сожалению, мы не были волшебниками. Даже самого простого — погоды, мы не в силах были сотворить. Но все мы знали, и они еще лучше нас, что дело шло, шло везде, на всех 2 тысячах 750 километрах, и всякий день, каким бы он ни был, к нашей общей «трубе» прибавлялись те самые семь-восемь километров, за каждыми из которых уже виден конец. Каков же он? Тот, который был уже запланирован главами правительств и министрами, что отрядили необходимое количество средств; партийными и комсомольскими органами, что по-деловому и тщательно отбирали строителей; наконец, самими строителями, что спокойно и нервно, но всегда сообща, по-товарищески и человечески верно определили — будет газопровод. Такой, какого еще никогда не было.

(Над материалом работали: К. Панамски — «Народна младеж», П. Троян — «Млади свет», С. Шипульски — «Радар», Т. Вендт — «Нойес лебен», М. Папп — «Ифьюшаги магазин», И. Гаврилов (фото), И. Горелов, Ю. Лексин — «Ровесник». Переводили: с болгарского — О. Ржанникова, с чешского — И. Мецкина, с польского — А. Демидова, с немецкого — Н. Кашефидинова, с венгерского — М. Томинг.)

Алиса в стране Вещей

Рон ГУЛАРТ,
американский журналист

В ассортименте лучших магазинов игрушек США 800 тысяч разнообразных наборов «комнат ужаса». К миниатюрным камерам пыток, хорошеньким гильотинам, красочным виселицам, электрическим стульчикам прилагается набор куколок-жертв, а также инструкции по скорейшей с ними расправе — вдруг дети не сообразят, как со всем этим обращаться. Реклама для родителей гласит: «Только пытки спасут ваших детей от скуки, а вас от их бесконечных капризов».

Наши дети никогда не станут взрослыми. Против них ведется наступление — наступление, имеющее как физические, так и психологические последствия.

Детство — это своего рода путешествие, одна из прелестей которого заключается в подъеме на новую ступень. Но в наши дни посторонние силы все активнее вторгаются во внутренний мир ребенка, препятствуя его росту.

И потому мы имеем все основания негодовать против тех, кто эксплуатирует нравственный мир детей, не дает им нормально развиваться, — против телевизионных продюсеров, владельцев предприятий, выпускающих игрушки, книжки комиксов, против целой армии других бизнесменов, чья продукция рассчитана на малолетнего покупателя. «Детский» бизнес повинен в формировании нового, все более четко вырисовывающегося типа людей — они уже выросли из детского возраста, но фактически так и не стали взрослыми.

Такой переросток, или «сверхдитя», не бросается в глаза; он вообще абсолютно нормален, поскольку по своей сути он — потребитель: из малолетнего потребителя вырос юный потребитель, а уже из него — молодой женатый потребитель.

Вот эволюция американского «сверхдитяти»: сначала по всей стране ему покупали игрушек на 2,6 миллиарда долларов в год; потом он сам стал расходовать 20 миллиардов долларов в год на белье, мотоциклы, химикаты против дурных запахов, лыжи, полоскания, тушь для ресниц, грампластинки, подержанные автомобили, билеты в кино и т. п.; и, наконец, став молодоженом, он задолжал 100 миллиардов долларов, покупая в кредит.

В Америке эпохи «сухого закона» гангстер Фрэнк Кастелло, водружая в очередной кондитерской лавке игорный автомат, непременно ставил рядом высокий стул, чтобы дети тоже могли дотянуться до щели для монеты. Нынешнего ребенка осаждает целая армия дельцов, преследующих ту же цель. Важнейшая и общая для всего «детского» бизнеса задача — превратить ребенка в потребителя. Абсолютно во всех своих действиях «детский» бизнес руководствуется одним стимулом — детской ладошкой, на которой лежат деньги.

Миллионы долларов расходуются по каналам рекламы на воспитание детей в том духе, что личность человека определяется количеством вещей, которые у него есть. Мораль, проповедуемая средствами массовой информации, та же: все удовольствия в жизни — вещи.

«Сверхдитя» — типичный представитель первого поколения, выросшего при телевизоре, и второго, которое подрастает на наших глазах.

Мы позволяем, чтобы нашим детям ежедневно по нескольку часов внушалось, что насилие и стрельба решают почти все проблемы и что всякого, кто кажется нам неприятным или отличным от нас, надо уничтожать.

Спросите шестилетнего малыша, почему герой мультипликационного фильма только что взорвал 20 инопланетян, и он ответит: «Потому что они плохие». Откуда ему известно, что они плохие? «Потому что он их убил».

Поколение назад в вестернах типа «Дестри скачет вновь» Джимми Стюарт хватался за пистолет только в последней части. В любом нынешнем телевизионном вестерне герой убивает кого-нибудь еще до вступительных титров. До первой рекламной вставки он успевает укокошить еще несколько человек и наступить на поверженного противника. Мораль: мужество есть способность убивать и причинять боль.

Явно окрепла тенденция к непорядочности в борьбе. Может, это какой-нибудь «новый реализм», но, право, когда видишь, как любимец твоего сына бьет своему сопернику сапогом в лицо, становится не по себе. А герой все чаще бьет сапогом в лицо — и на экране, и в комиксах. Когда он не употребляет оружие для убийства, он использует его для причинения боли. После любой физической расправы телегерой, как правило, выказывает удовольствие: улыбка после убийства, ухмылка после удара по чьей-нибудь голове, облегченный вздох после того, как куча индейцев взлетает на воздух. Уверенный в своей правоте, он судит и наказывает, не считаясь с законом и моралью.

Перед глазами подрастающего ребенка — нескончаемая череда низвергнутых литературных образов и классиков. В сегодняшнем мире детей «Алиса в стране чудес» — всего лишь мультфильм. Плохую мы им оказываем услугу, когда пережевываем Льюиса Кэрролла, Редьярда Киплинга, братьев Гримм, Эптона Синклера в одного и того же Уолта Диснея. Каждый имеет право побыть наедине с самим собой. Но почему-то мы отказываем в этом праве детям.

«Мир Барби»

...Таблички взывали к прохожим: «Официальные торги», «Только новые модели», «Запасы ограниченные». Эти надписи, привычные для магазинов по продаже подержанных автомобилей, появились в один весенний день в витрине магазина игрушек фирмы «Мэттел». Фирма представляла новую модель — Барби. Да, детские игрушки проталкивают теперь на рынок с такой же напористостью,

трюкачеством и равнодушием к этике, что и подержанные автомобили. Чтобы понять, почему это происходит, лучше всего начать с «мира Барби».

Большой успех этой куклы — и создавшей ее южнокалифорнийской фирмы — оказал влияние на многие коммерческие предприятия, торгующие детскими товарами. Они охотно заимствовали технику рекламы и сбыта Барби. Столь же важно и влияние Барби на миллионы девочек. Приобретая эту куклу, они одновременно приобрели одну стойкую привычку: покупать сделанные «специально для Барби» вещи. А их видимо-невидимо. Полный набор «сопутствующих» туалетов и вещей для Барби стоит сотни долларов.

Фирма «Мэттел» изобрела, таким образом, игрушку, «живущую» богаче, чем тридцать процентов американских детей. Помимо очевидного материализма Барби, с этой куклой увязана целая философия. «Мир Барби» — это тщательно продуманное творение большой группы специалистов рекламы, штатных экономистов, психиатров и социологов этой фирмы. В «мире Барби» нет ни единой случайной, незапланированной детали. «Людям хочется думать, что кукол делают какие-то волшебные, умненькие феи, — сказал мне один из социологов фирмы «Мэттел». — Только ведь феи не помогут сбыть пять миллионов наборов Барби».

Всего 3—5 долларов — такова входная плата в «мир Барби». То есть именно столько вы платите за саму куклу для вашей дочки. Это как цена за билет, дающий право только на вход в парк Диснейленд. За все остальное надо платить дополнительно.

Барби — кукла ростом примерно в 30 сантиметров. Она сделана из винила и продается с одним из четырех оттенков волос: «летний песок», «шоколадка», «го-го ко-ко» (?!) и «солнечный поцелуй». За исходную цену Барби продается в купальничке, но босиком.

«Мы действуем как поставщики лезвий для бритья, — объяснил мне один из создателей Барби. — Это значит: продать сначала основной товар, а потом подбрасывать сопутствующие».

Во время одного такого «весеннего наступления» 1967 года фирма «Мэттел» выпустила около двадцати новых туалетов для Барби по ценам от полутора до четырех долларов. Среди них наборы: «Лунное сияние» — «пеньюар типа «Аленкон» с низким вырезом»; «Карибский круиз» — «вечернее платье, спина обнаженная»; нижнее белье — «лифчик, полутрусики, пояс с подвязками»; телефон, зеркальце, расческа и щетка.

Но, даже приобретя почти весь гардероб для Барби, ваша дочка так просто не отделается. Во-первых, в «мире Барби» есть еще десяток разных кукол. Скажем, разве может Барби обойтись без дружка? «Мэттел» уверяет, что его пришлось «родить» по просьбе самих юных покупательниц. Его зовут Кен.

Кен на дюйм выше Барби и похож на уменьшенную копию манекена из витрины универсального магазина. Правда, волосы у него только одного цвета — белокурые и гардероб не так разнообразен.

По правую руку от Барби — Мидж, «лучшая подруга Барби». Мидж может носить те же вещи, что куплены для Барби. На честь быть главной приближенной Барби претендует также ее «модерновая» кузина Фрэнси. Фрэнси, в свою очередь, имеет дружка по имени Кейзи.

В эту компанию введена даже чернокожая кукла. Собственно, это та же Фрэнси, но с шоколадным оттенком, вежливо нареченная Цветной Фрэнси. Работник из «Мэттел» говорит, что «цветная» кукла не особенно рекламируется, да и сбыт ее «не соответствует пропорции, которую составляет эта часть населения».

Компанию Барби довершают ее сестренка Тутти и братик Тодд, их приятель Крис и — то ли родственники, то ли тоже друзья — Шкипер и Моторист.

Еще есть: Барби-сумочки, Барби-саквояжи, Барби-книжки для раскрашивания, Барби-термосы, Барби-и-Фрэнси-выкройки, Барби-и-Кен-шкафы для одежды, Барби-кровати «куин-сайз» («королевского размера»), Барби-салоны мод, Барби-коттеджи, Барби-дома, Барби-коробки для кукол, Барби-парикмахерские, полные париков и шиньонов. Наконец, у Тутти есть своя кукла — совсем маленькая Барби.

Представляя Барби, фирма «Мэттел» забила рекламой все средства массовой информации. Газета «Уолл-стрит джорнэл» писала: «Она прибегает к энергичной телерекламе, обходя таким образом посредников (розничных торговцев) и родителей и обращаясь прямо к детям, в расчете на то, что они заставят мам и пап пойти в магазин».

В рекламных салонах фабрики «Мэттел» в Калифорнии есть специальные комнаты для незаметного наблюдения за тем, как дети возятся с игрушками. Эксперты фирмы часами подсматривали сквозь прозрачные зеркала и подслушивали с помощью скрытых микрофонов поведение и разговоры маленьких девочек, занятых куклами, и почерпнули много полезных сведений о том, чего эти девочки хотят. Фирма не обязательно учитывает все пожелания, но зато она знает, что именно дети очень хотят и какие желания им можно подсказать, внушить. Ну а потом — потом фирма «Мэттел» запускает руку глубоко в карман покупателя.

Поварившись в «мире Барби» довольно долгое время, сжившись с его атрибутами и философией, ваша дочка в дальнейшем прямехонько врастает в мир опрятного конформизма, воплощением которого и служит Барби.

«Через посредство Барби девочки и мальчики проникаются потребительским аппетитом, — говорит один психолог. — Это отражает и увековечивает тревожную тенденцию в нашей культуре, чреватую осложнениями интеллектуального порядка».

«Джи-ай» Джо

«Устрой тотальную войну у себя дома! — приглашает реклама фирмы «Стрэтмор тойз». — Мы можем снабдить тебя необходимым ядерным вооружением для ведения яростной войны и массированных контрнаступлений».

Еще в 1965 году калифорнийская компания «Ньюклиэр уор гейм» выпустила игру «Ядерная война», которая, как следовало из инструкции, может закончиться «разрушением мира и почти всей солнечной системы».

Любой мальчишка, который захочет полюбоваться на облачко пара при сбрасывании напалма на людей, может обзавестись соответствующим игрушечным оборудованием. Фирма «Орора плэстикс» продает самолеты «Рипаблик Ф-105 Тандерчиф», снабженные контейнерами для напалма. Фирма «Монограм моделз» предлагает «Конструкторский набор самолета «AI-E Скайрейдер» в $^1/_{72}$ натуральной величины с двумя напалмовыми контейнерами».

Помимо широкого ассортимента бомбардировщиков и истребителей, мальчик может купить (у фирмы «Ревелл») самолет «Хэрки бэрд» для распыления дефолиантов.

«Родительница» Барби — фирма «Мэттел» и тут не зевает. Она установила, что мальчики любят шум. И тотчас ее рекламы игрушечного оружия стали подчеркивать шумовой эффект. На последней обложке комиксов винтовка «М-16 Мародер» (отзвук войны во Вьетнаме) расхваливается таким образом: «Потрясающая винтовка, да? Но ты еще не слышал, как она работает!»

Главнокомандующий всех военных игрушек — «джи-ай» Джо (GI — рядовой. — **Прим. пер.**). Он атакует рынок — от имени «Хэссенфельд бразерс». «Джи-ай» Джо, пожалуй, наиболее успешно применил концепцию Барби к игрушечному полю боя. Благодаря ему фирма выдвинулась на пятое место в иерархии игрушечных «королей», доведя свой ежегодный оборот до 50 миллионов долларов. «Джи-ай» Джо столь же безлик, как Кен, приятель Барби, однако фирма утверждает, что его лицо представляет собой комбинированный портрет 20 кавалеров «Медали чести».

Самолетики с напалмом, пусковые установки для ракет и прочие военные игрушки, которых продается на 100 миллионов долларов в год, отнюдь не способствуют превращению мальчиков в настоящих мужчин. Скорее они внушают детям, что насилие и агрессия — нормальные формы самовыражения.

Если присмотреться к военно-техническим игрушкам повнимательнее, то окажется, что они, по сути, не игрушки, а модификации настоящих «взрослых» устройств. Появилось, например, множество игрушечных средств для слежки и шпионажа. Ребенок может приобрести «Большое Ухо» — параболический микрофон с наушниками, принимающий чужой разговор на улице на расстоянии до 200 метров. Есть в продаже замаскированные фотоаппараты, устройства для подглядывания в замочную скважину и даже детские магнитофоны, снабженные особыми, легко маскируемыми микрофонами.

Адвокат Алан Вестин писал по поводу процветания бизнеса на шпионских игрушках: «Задолго до того, как дети узнают в школе про конституцию и закон о правах, они отлично усваивают, что методы охраны правопорядка, считающиеся незаконными и аморальными, на самом деле — обычный способ действий «героев» американского общества».

Такие не-игрушки ни прибавляют ребенку знаний, ни дают ему настоящего здорового развлечения, ни помогают в процессе роста. Детского словаря такие игрушки не обогащают, но одну мораль они до ребенка доносят — мораль мира взрослых, его чувства и ценности. Они производятся просто для того, чтобы быть потребленными. Они с успехом превращают детей в послушных взрослых потребителей. Есть опасность, что детство каждого отдельного ребенка может из путешествия к открытиям стать заранее расписанным маршрутом.

Перевел с английского Б. СЕНЬКИН

МЕСТЬ

РАССКАЗ

Кристина АРНОТИ,
французская писательница

Две недели, целых две недели он прожил в каком-то фиолетовом тумане. Конечно, рукопись можно было бы отправить по почте, но какая гарантия, что она попадет в руки мадемуазель順順Франшон? Никакой. Надо было идти самому, но не хватало духу получить отказ в лицо.

Наконец по прошествии двух недель, сотен доводов «за» и сотен доводов «против» Антуан отправился на Бульвары к театру. Не давая себе времени на новые сомнения, он быстрым шагом вошел в дверь с надписью «Для актеров» и по грязной лестнице поднялся на второй этаж.

— Мадемуазель Франшон не принимает. Вам назначено? — спросила секретарша.

— Передайте, пожалуйста, директрисе вот это.

Он протянул ей визитную карточку **«Антуан Паро, драматург»**, на которой сделал приписку: **«Смею надеяться, вы вспомните меня — мы познакомились некоторое время назад у Фалиберов. Прошу уделить мне 10 минут».**

Его приняли. Директриса зябко куталась в мех и походила на щенка, получившего незаслуженную трепку. Тем более странным выглядел длинный мундштук у нее в руке.

— Садитесь, мсье Паро. Мне действительно страшно некогда, но... Чем могу быть полезна?

Антуан откашлялся.

— Возможно, вы помните, тогда у Фалиберов я упомянул, что у меня есть пьеса. Я принес ее на ваш суд.

Директриса поежилась. «Заболеваю, — с тоской подумала она, — неужели снова грипп?»

— Это первый мой опыт, надеюсь, он вам понравится.

— Милый мсье Паро, вам случалось видеть мясника, который бы не хвалил свои бифштексы? Для любого автора его пьеса лучше Шекспира. О чем она?

— Видите ли, я пытался нащупать идею, которая волнует всех...

— Секс?

— Нет, мадемуазель. Месть. Нет человека, который бы втайне не мечтал отомстить за все несчастья и неудачи, которые постигли его. Знаете, почему с таким удовольствием публика до сих пор читает «Графа Монте-Кристо»? Из-за возмездия. Люди радуются вовсе не тому, что герой разбогател, а что злодеи получили по заслугам. Если смотреть на это более широко, то в современном обществе вряд ли отыщется человек, который не был бы обижен...

— Значит, вы инсценировали «Графа Монте-Кристо», если я вас правильно поняла?

— Нет, нет! У меня оригинальная вещь. Герой тщательно продумывает план и...

— Бог ты мой, месть на театре! Свежая мысль... Ну хорошо, оставьте вашу пьесу, я вам позвоню.

— У меня нет телефона.

Директриса с облегчением затянулась и выпустила из мундштука клуб дыма. Так даже лучше.

— Я вам напишу.

Она уже знала, что велит секретарше послать ему стандартный, так называемый «покойницкий» ответ, отпечатанный типографским способом:

«Глубокоуважаемый г-н . . . .
Мы с большим интересом ознакомились с вашим произведением. К сожалению, репертуар театра в настоящее время столь насыщен, что не позволяет осуществить постановку предложенной вещи. Не считая себя вправе дольше задерживать вашу пьесу, лишая тем самым другие театры возможности представить ее публике, возвращаем ее. Примите и проч.».

Она вспомнила о рукописи лишь месяц спустя. Актер, игравший героя-любовника в пьесе, считавшейся гвоздем сезона, неожиданно ушел из театра. Его пригласили на роль в кино, и директриса не могла удержать его никакими силами. Это был удар, подлый удар, который взывал о мести. О, как хотелось ей, чтобы предатель провалился на съемочной площадке, чтобы рецензенты высмеяли его, чтобы он, униженный и никому не нужный, пришел бы просить ее о снисхождении!

В подсознании возникла связь между жаждой мщения и тем, что говорил ей этот недотепа... как его там, Паро. К тому же надо было срочно менять репертуар.

Поздно вечером, уже лежа в постели, она, вздохнув, раскрыла папку с пьесой. Вещь была вялой, страсти условные, конец смехотворный. Пьеса не вызвала ничего, кроме вязкой скуки. Но в ней было всего шесть ролей, минимум декораций, ее можно было поставить за гроши. К тому же — новое имя.

— Я беру ваше творение, — сказала она Паро, который прилетел по вызову. — Но при одном условии. Вы делаете из этой драмы, — директриса брезгливо притронулась ноготком к папке, — комедию абсурда.

— Комедию абсурда?!

— Именно. Если относиться к вашему тексту всерьез, нас поднимут на смех. Лучше заранее начать смеяться над собой. В противном случае ни один актер не согласится произнести реплики больше тридцати раз подряд. Кстати, я и не рассчитываю, что она продержится больше пробного месяца. Сейчас десятое марта, премьеру назначим на десятое мая. Десятого июня сезон заканчивается, да и летом никого не загонишь в театр даже под страхом гильотины.

— Но она ведь может понравиться, — робко вставил Антуан.

— Понравиться?! Голубчик мой, я тридцать лет на театре, так что поверьте моему чутью. Если бы не подлый удар этого красавчика — он еще прибежит ко мне, когда его выставят со съемок, но я ни за что... так вот, если бы не его уход, я бы не стала ставить вашей «Мести». Но больше я в такую ловушку не попадусь. На этот раз я заключу с актерами такой договор, что они и думать забудут, как бросать пьесу посреди сезона! Очень хорошо, что это случится на вашей пьесе. Соблазн велик...

Паро спускался по железной лестнице с ощущением, будто сходит по мраморным ступеням Гранд-Опера сквозь строй гвардейцев в касках с плюмажами.

Он принялся лихорадочно переделывать свое детище. У него были выписаны в особую тетрадку шутки и остроумные выражения, которыми он теперь нафаршировывал текст; атмосферу абсурда он создал, поменяв первый акт с третьим; кроме того, по ходу действия должна была звучать музыка, записанная на кассету и воспроизводимая в обратном порядке.

Прочтя новый вариант, режиссер воздел руки к небу. Но уже ничего нельзя было поделать. Директриса, определив жесткий срок, перестала интересоваться пьесой Антуана Паро. Вскоре то же сделал и режиссер. Актеры начали репетировать в атмосфере, живо напоминавшей похороны за счет общины.

Лишь за неделю до генеральной они начали отрываться от бумажки с текстом роли и двигаться чуточку быстрее. На прогоне они постарались вложить в Антуаново творение все умение, накопленное за годы лицедейства, их охватил тот азарт, который испытывает всякий актер, даже самый захудалый, когда публика из условности превращается вдруг в реальную колышущуюся массу лиц. Тем более публика генеральных репетиций, состоящая из завзятых театралов и газетных критиков, публика, предрекающая жизнь и смерть пьесы.

Антуáн не пошел на премьеру. При мысли о своем детище его охватывала слабость. Он порывался выйти из дома и не мог. Не мог сделать и шага. И потом, по традиции, он должен был пригласить актеров и режиссера на ужин, а денег на ресторан у него не было. Он и так уже задолжал за комнату старушке хозяйке в Пасси.

Лишь день спустя он узнал о своем успехе — невероятном, ошеломляющем, неос-

поримом. Рецензенты, целый месяц томившиеся без премьер, устроили самый настоящий «фестиваль Паро». Они изощрялись в толкованиях, находя всякий раз новые победные формулировки. Каждый усматривал между строк его пьесы скрытый подтекст, рассуждал о вселенском сведении счетов, о сознательном обращении к прописям для выявления абсурдности бытия. Пущенная наоборот музыка оказывалась как нельзя более кстати для иллюстрации тупика, в который зашла современная культура. «Актеры с таким же успехом могли молчать», — восторгался один критик.

Радиостанции «Франс — интер» и «Европа I» обещали устроить дискуссию с участием автора. Фирма грампластинок уведомила о выпуске в ближайшем будущем «сорокапятки» с записью музыки из нашумевшей пьесы.

То было чудо. Конечно, теперь и речи не могло идти о сокращении сезона. Директриса встретила Антуана с распростертыми объятиями и поцеловала его в лоб.

— Дорогой мой, я знала, я предчувствовала! — ворковала она. — Вы думаете, я бы взялась за постановку, если бы не раскусила первой зерно вашей вещи? Безусловно, я рисковала, мы оба рисковали — и вот награда!

Антуан вытирал в кармане взмокшие ладони.

Поначалу, когда при нем хвалили пьесу или ссылались на мнение того или иного авторитета, он розовел, как четырнадцатилетняя девушка. Но довольно быстро он вошел во вкус. Газеты напечатали интервью по две-три колонки с человеком, который попрал все законы природы и сумел заполнить театральный зал в июле. Иностранцы, как обычно наводнившие летний Париж, стекались в театр на пьесу, о которой все говорят.

Актеры тоже оказались в центре внимания, их не мог миновать фейерверк. Исполнитель главной роли с удовольствием глядел на собственное фото в столичной прессе. «Благодаря Паро он сумел найти себя», — писали о нем. Герой воспрял духом и перестал скрываться от кредиторов.

Героиня, которой исполнилось уже тридцать (для всех окружающих, разумеется, лишь двадцать три), после стольких лет неудач и безвестности расцвела на глазах. Ничто не красит так, как успех...

Год спустя Антуан купил у старой дамы ее квартиру в Пасси и в знак благодарности оставил ее жилицей. Он часто появлялся теперь в обществе молоденьких актрис, мечтавших, что он напишет для них такую же удачную пьесу. Но Паро был осторожен в обещаниях.

В мире тем временем происходили разные события. Газеты то предрекали неминуемую катастрофу, то громко радовались тому, что угроза ее миновала. Но на пьесе это не отражалось. Одни считали, что перед началом катастрофы надо успеть посмотреть спектакль, о котором все говорят, другие, радуясь, что все наконец опять вошло в норму, шли в театр отпраздновать это событие.

Так прошло семь лет. Антуан давно уже не заглядывал в театр — он панически боялся спугнуть удачу. Пьеса по-прежнему держала афишу. «Месть» привлекала зрителей. Подрастали новые поколения, желавшие воочию убедиться в неувядаемости темы.

Все шло по-прежнему, если не считать, что актеры были истощены до последней степени. Они были подорваны физически и подавлены морально. Субботы и воскресенья оказывались вычеркнутыми из жизни. Слова, которые они повторяли уже целую вечность, кошмарным звоном отдавались в ушах. Все чаще они ловили себя на том, что отвечают репликами из пьесы на вопросы родных.

Бросить спектакль не было никакой возможности. Директриса в свое время заставила их подписать такой контракт, что лучшие адвокаты Парижа качали головой и говорили: «Повремените, должен же он кончиться сам собой...»

Юной героине уже исполнилось ... лет. Вокруг глаз у нее веером собрались морщинки — столько ей приходилось смеяться в пьесе. После спектакля она часто плакала в гримерной.

Между собой актеры звали автора Гнидой: «Гнида получил премию за самую долгоидущую пьесу», «Гниду фотографировали со стотысячным зрителем», «Видел Гниду в кафе. Морда довольная», «Еще бы! Попил нашей кровушки!»

Больше они не могли выдержать. Они повторяли реплики в самые интимные минуты. Пьеса превратилась в наваждение.

...Идея созрела окончательно на восьмом году. Актеры не могли больше думать ни о чем, кроме мести. На деньги, полученные за исполнение главной роли, герой купил недалеко от Парижа маленький домик, воплощение мечты: тихое место, рядом река и лес. Так вот, он предложил план мщения. Надо украсть автора, привезти его в этот домик и сутки кряду заставить слушать собственную пьесу.

План был встречен с восторгом. Сложившись, актеры купили магнитофон с автоматическим устройством, перематывающим и вновь запускающим кассету. Они смотрели на аппарат, как смотрят родители на позднего ребенка: он стоял на столе в гримерной, красивый и блестящий, заговорщицки подмигивая сигнальными лампочками. Чудо.

В выходной день, благословенный понедельник, они собрались и впятером записали пьесу. С какой радостью они подавали реплики и изображали шумы! Голоса их были полны сладкого яда. Прослушав себя, актеры остались довольны и послали швейцара за шампанским.

— Неплохо вышло, — сказал герой-любовник.

— Дети мои, просто великолепно! С таким подъемом мы играли только на премьере, — откликнулась героиня.

Бедные люди, они и на восьмом году были в состоянии различать оттенки...

Всю неделю они томились в ожидании следующего понедельника. Исполнительница главной роли вставала, вопреки обыкновению, рано и шила черные колпаки и бурнусы.

Наконец наступил заветный день. В одиннадцать вечера они подъехали в большой машине к дому в Пасси, вошли в лифт. Здесь облачились в бурнусы и надвинули на головы черные колпаки. Сквозь прорези радостно поблескивали глаза.

Дверь открыли ключом, который Антуан семь лет назад вручил молодой героине, пригласив ее разделить с ним одиночество. Тогда она не воспользовалась им.

В квартире было темно. Слабый свет сочился из-под двери Антуанова кабинета. Вот уже несколько дней Паро лихорадочно писал: он готовил новую вещь. Чувство незаслуженной обиды толкнуло его в свое время на создание пьесы о мести. Теперь он был преисполнен благодарности судьбе и хотел написать произведение о доброте и всепрощении.

Итак, Антуан писал, время от времени бормоча реплики. Стол его был усеян листками. В зыбком свете зеленой лампы ему казалось, что комната полнится призраками, которых он вызвал к жизни. Все они были с добрым взглядом и готовы оказать услугу ближнему своему.

Легкий скрип двери не отвлек его. То был час дивного вдохновения, когда рождаются шедевры.

Внезапно раздались шаги. У Антуана мелькнула мысль, не сходит ли он с ума. Призраки в черном окружили его, схватили за руки, набросили на лицо черный колпак. Он не мог произнести ни слова, спазм перехватил горло.

Призраки свели его под локотки со ступеней, усадили в машину.

Кто-то спросил, явно изменив голос:

— А дышать он сможет?

— Угу, — буркнули в ответ.

Автомобиль рванул с места, и дальше Антуан слышал лишь сопение похитителей.

Они ехали меньше часа. Затем под колесами заскрипел гравий. Призраки вытащили Антуана, ввели его в какое-то помещение, усадили в кресло и прикрутили веревками. Потом раздался какой-то щелчок, и Антуан услышал знакомые слова — первые реплики своей пьесы.

Актеры на цыпочках вышли из дома. Было решено освободить Антуана утром и в утешение накормить его вкусным завтраком. Зная тщеславие своего автора, они не сомневались, что он воспримет похищение как дополнительный знак внимания, маленький розыгрыш, приуроченный к юбилею.

Возле машины героиня остановилась:

— Слушайте, а вдруг Гнида возьмет и заснет? От его пьесы мухи дохнут... Вот будет жалость.

Они вернулись, как было условлено, к девяти утра. Все выглядели бодрыми и довольными: возмездие состоялось. Магнитофон продолжал крутиться, ясно звучали реплики.

Антуан сидел в той же позе. С единственной разницей — он был бездыханный.

— Умер! — вскричал герой.

— Ах, Гнида! — словно античный хор, откликнулись остальные.

Неописуемый ужас читался на их лицах: они убили своего автора!

Когда с него сняли колпак, Антуан выглядел благостным и умиротворенным, словно заранее всем все простил.

Хозяин домика позвонил в полицию и чистосердечно во всем признался. Полицейский инспектор огорченно качал головой, записывая показания, — он видел пьесу.

Поскольку в действиях похитителей не было злого умысла, суд приговорил их к трем годам условно. Процесс вызвал сенсацию, газеты писали о нем на первых полосах. А поскольку все время, что шло следствие, актеры оставались на свободе, им приходилось выступать в пьесе. Директриса заявила:

— Вы сами того хотели. После киднэппинга мы получили такую прессу, что «Месть» продержится еще лет восемь.

Каторгу им пришлось отбывать на сцене. В годовщину смерти Паро мадемуазель Феншон отнесла цветы на могилу своего автора.

— Бедный Антуан, — шептала она, комкая кружевной платок, — у него было такое чутье на рекламу...

Перевел с французского
М. БЕЛЕНЬКИЙ

ТРОЕ В ОДНОЙ ЛОДКЕ

Как и у знаменитых героев Джерома К. Джерома, путешествие этих англичан начиналось на Темзе. Но планы их были куда более честолюбивыми: первыми в истории пройти на веслах вокруг света. Два года приготовлений, и, наконец, «Британия-2» на волнах Атлантики. Увы, испытания оказались не по плечу отважной троице. Первой сдалась Кэрол, покинувшая своих спутников в Касабланке. Дерек и Питер продержались 93 дня, проделав путь в 6 тысяч километров, и решили закончить плавание на острове Сент-Люсия в Карибском море, куда они прибыли в таком плачевном состоянии, что местные жители приняли их за душевнобольных. Но книга, которую они написали о своих злоключениях, читается с захватывающим интересом. Тут и схватка с акулами, и угроза кораблекрушения, когда лодка чуть не оказалась под винтом огромного танкера, и ураганы, и острые конфликты, вызванные психологической несовместимостью участников плавания. Но были и радостные моменты, например, встреча в Атлантике с польским лайнером «Гдыня», на борту которого их по-царски накормили и завалили подарками. В тот день Питер записал у себя в дневнике: «Ничто так не сдружает людей, как море».

ПОСЛЕДНИЕ ОБИЖЕННЫЕ. Каких только изданий нет на белом свете! Для детей и спортсменов, для домохозяек и полицейских, для коллекционеров бабочек и финансистов... Но никто (никто!) до сих пор не вспомнил о бедных 20 тысячах обделенных миллионерах. Француз Клод Тибо с января будущего года покончит с этой несправедливостью и начнет выпускать журнал «Миллиард». Два выпуска — на английском и французском языках — посвятят свои страницы наиболее важным мировым событиям: сафари, рыбная ловля в открытом море, выставки мод, скачки... Никакой набившей оскомину политики или экономики. Отдел объявлений предполагает знакомить с предложениями о продаже замков, вилл, яхт, а также с положением на рынке мажордомов, церемониймейстеров, шеф-поваров. Отдел развлечений и курьезов готовит подборку на необыкновенно смешную тему: сколько стоит килограмм хлеба, сто граммов колбасы и прочие забавные и далекие от жизни глупости.

ОБЕРШТУРМБАННФЮРЕР-ФАЛЬШИВОМОНЕТЧИК

Пятнадцать лет назад, когда эти пухлые пачки банкнотов, запрятанные в тайник, были обнаружены репортерами «Штерна» на дне озера Теплиц в Австрии, хозяина их так и не удалось отыскать. Неудивительно — деньги-то были фальшивыми. И все же недавно владелец был обнаружен — случайно. Им оказался некий Фридрих Швенд, задержанный полицией за то, что пытался уйти из гостиницы, не уплатив по счету. Впрочем, Швенду не привыкать. Его карьера и начиналась с тюрьмы, куда он еще 40 лет назад попал как фальшивомонетчик. Трудно сказать, выкрутится ли он теперь, но тогда его вызволил не кто иной, как сам Гитлер, и не замедлил возвести в ранг «главного фальшивомонетчика рейха». С его помощью фюрер надеялся подорвать экономику Англии, наводняя ее фальшивыми деньгами. Швенд, конечно, заботился о процветании рейха, но не забывал и о себе. В то время он был, несомненно, очень богатым человеком — мог купить любой отель, в котором останавливался. Давно прошли времена, когда у Швенда не было необходимости платить по счету из своего кармана. Но привычка, как говорят, вторая натура...

ЧЕМУ УЧАТ В ШКОЛЕ...

Научить орангутангов жить по-обезьяньи — за такое необычное дело взялась зоолог из Канады Бируте Бриндамур. А ведь сколько усилий было затрачено учеными на то, чтобы «очеловечить» животных, их, как известно, пытаются даже научить говорить! Усилия канадской исследовательницы нацелены в обратном направлении. Своих «цивилизованных», «олабораторенных» питомцев она возвращает родным джунглям: в том-то все и дело, что в естественных условиях их сейчас, как отмечает журнал «Штерн», гораздо меньше, чем в зоопарках, цирках и лабораториях. Поначалу Бируте встретилась с большими трудностями. Похоже было, что рожденные в неволе орангутанги даже краем уха не внимали зову предков — джунгли их не волновали. Уютнее всего они чувствовали себя рядом с человеком, и новый, то есть старый, «дом» пугал их. Учительница «обезьяньей школы» вынуждена была подавать пример во всем. Она первой залезала на деревья — «другим путем объяснить орангутангу, где ему, собственно, положено обитать, нет никакой возможности»; показывала, как строить жилище из веток, и так далее — ни один предмет из курса обезьяньей науки не остается непройденным. При Бируте орангутанги жить в джунглях научились, теперь вот вопрос: как прожить без нее?

КАЖДОМУ ОЗЕРУ ПО ЧУДИЩУ?

Таинственный монстр, якобы обитающий в озере Лох-Несс, заставил журналистов пролить литры чернил. Судите сами: первое упоминание о Несси датируется 565 годом. С тех пор... нет, невозможно сказать, сколько раз его видели — «собственными глазами, вот как вижу вас». Образовалась целая коммерческая индустрия, эксплуатирующая бедолагу Несси, — от эмблем до баров-передвижек «У Монстра» (на фото). На берегах Лох-Несс раскинула лагерь американская экспедиция профессора Райнса, оснащенная самой совершенной техникой. Британское общество по охране животных, в свою очередь, уже предупредило профессора, что подаст в суд, если он причинит «животному, коль скоро оно существует», какой-либо вред... Комментируя весь этот ажиотаж, журнал «Пари-матч» пишет: «Неплохо было бы подбросить пару монстров и в другие озера. Лох-Несс и так уже 1400 лет снимает сливки».

«НОЧНОЙ ДОЗОР» ПРИ СВЕТЕ ДНЯ

Год назад в Амстердаме в национальном музее «Рийкс-Музеум» произошло несчастье: душевнобольной посетитель бросился с опасной бритвой на картину Рембрандта и нанес ей тринадцать ударов. «Ночной дозор» — едва ли не самая известная картина великого голландца — был исполосован вдоль и поперек. «Картине не повезло вторично», — писали тогда газеты. Имелось в виду следующее: корпорация стрелков, заказавшая Рембрандту групповой портрет, отказалась заплатить за него. Расчетливые бюргеры возмущались: «От меня осталось пол-лица да одна рука, почему я должен платить полную долю?» Прошли века. «Ночному дозору» посвящались монографии и исследования, благодаря художнику не затерялись в истории имена прижимистых стрелков. И вот — трагическое происшествие. Однако благодаря ему картина подверглась реставрации и предстала в новом свете. Оказалось, что «Ночной дозор» (название, кстати, возникло гораздо позже картины) вовсе не ночной. Отмытое от потемневшего лака полотно явило солнечный свет! «Я до сих пор не могу прийти в себя от изумления», — говорит главный реставратор Куипер. И вместе с ним все любители Рембрандта.

НЕ ОДНА ДЖУЛЬЕТТА НА СВЕТЕ

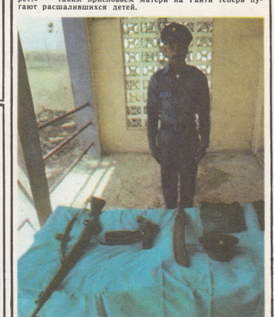

Нас упрекали читатели, что в очерке о знаменитом кино-Ромео — Леонарде Уайтинге — мы оставили без внимания его очаровательную партнершу, Оливию Хасси (хотя мы о ней тоже писали — в № 3/76). Но существуют ведь и другие Джульетты. Сегодня в Англии много говорят и пишут о Джульетте — Франческе Эннис, блестяще дебютировавшей в новой постановке Королевского шекспировского театра. Эннис решилась взяться за эту роль, уже будучи известной актрисой кино: она играла Эмму в «Госпоже Бовари», леди Макбет в фильме Романа Поланского. Однако Эннис предпочитает все же театр: «Мне приносят десятки сценариев, и каждый раз с трепетом открываю первую страницу. Но уже на десятой все ясно — опять халтура. Я должна играть очередную «птичку», мечтающую свить гнездо со стареющим и банальным джентльменом. Но есть же Джульетта! И есть режиссеры, такие, как Тревор Нанн. Последняя его работа звучит очень современно: зритель невольно проводит параллель между старинной Вероной и современным западным городом, где ненависть и насилие душат светлую любовь».

На фото из газеты «Санди таймс» — Франческа Эннис и Иэн Маккелен — Ромео.

ТУК, ТУК, ТУК, КТО ПРИШЕЛ?

«Тонтон-макут придет и тебя заберет!» — таким присловьем издревле на Гаити матери пугали не в меру расшалившихся детей. Еще совсем недавно вполне реальные, а не сказочные тонтон-макуты, иначе — зловещие подручные кровавого диктатора Ф. Дювалье, «папы Дока», рыскали по стране в поисках крамолы. Каждый тонтон-макут для исполнения своих функций убийцы был «оборудован» винтовкой «спрингфилд», специальным «Кольтом-38» — made in USA и мачете, которым на Гаити рубили не тростник, но головы. «Папа Док» умер. «Бэби Док» — Жан-Клод Дювалье по настоянию своих американских патронов сделал «либеральный шаг» — упразднил тонтон-макутов. Вместо них он завел новую личную гвардию — «леопардов», которые тем устраивают «бэби Дока», что ничем не уступают тонтон-макутам. «Леопард придет и тебя заберет!» — таким присловьем матери на Гаити теперь пугают расшалившихся детей.

«НЕКОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ» ЛЮБИТ ИСКУССТВО

«В одном западноберлинском переулке есть неприметный особняк. Здесь размещается некое учреждение. Служащие его посещают художественные выставки, прослушивают магнитофонные записи шлягеров...» Так начинает журнал «Штерн» (ФРГ) свой репортаж о западноберлинской охранке. Зачем сыщикам слушать шлягеры в рабочее время? При обыске в доме одной учительницы искали «инкриминирующие записи». Не нашли. Но учительницу, заподозренную в «красных» настроениях, с работы, однако, уволили. «Дело» же художницы Эвы Альтхайнц (на снимке) и вовсе оказалось ясным. Она посмела принять участие в выставке, посвященной чилийским патриотам! Выставку посетили — и по достоинству оценили — прилежные «искусствоведы в штатском» из «неприметного особняка». Эва Альтхайнц потеряла работу.

«РЕКОРДЕД СТРЕЙТ»,

или Девять ответов на три вопроса

«РОВЕСНИК». Программы английских эстрадных артистов, показанные в концертном зале «Россия», давали представление, пожалуй, чуть ли не обо всем спектре современной поп-музыки этой страны, об ее эволюции на протяжении последних десятилетий. Нам показалось любопытным сравнить точки зрения этих артистов, предложив им четыре одинаковых вопроса. И прежде всего — как готовились эти концерты? Создавались ли они специально для Москвы, Ленинграда, Еревана, Тбилиси или с такими же программами наши гости выступают на родине? Каков круг их постоянных слушателей в Англии?

СЕН-КЛЕЙР. Специально для этих гастролей я подготовила только одну песню, сочиненную композитором и импресарио Стэнли Лауденом, организовавшим нашу поездку. Все остальные песни — народные шотландские, на стихи Бернса — я часто исполняю дома по радио и в так называемых фолк-клубах, которых немало в Шотландии. Вообще, традиционная шотландская музыка приобретает все большую популярность среди молодежи, для которой фольклор стал символом национального самосознания. Очень люблю петь для рыбаков в моем родном поселке недалеко от Абердина. Перед моим домом, у моря, собираются по вечерам старики, курят трубки, дожидаются сейнеров, на которых должны прийти с уловом их сыновья и внуки. На одном из таких сейнеров ходил в море и мой отец. Я пою песни их молодости, и надо видеть, с какой радостью они их слушают и как дружно подпевают.

ФРЭНК ДОУЛИ. Наша программа была специально составлена для гастролей в СССР. Мы уже знали немного о вкусах вашей публики — по предыдущим гастролям, когда участвовали в фестивале «Золотая осень-75». Нам хотелось, насколько это возможно, показать все лучшее, что дала поп-музыка в период после второй мировой войны: от знаменитой «Чаттануга-чучу» Гленна Миллера и лучших произведений «Битлз» до современных «хитов» рок-музыки, таких, как «Мистер Мьюзикмен», написанный, между прочим, в ритме «рэггей», который родился на Багамских островах. На Западе жесткая конкуренция требует от музыкантов узкой специализации. Граммофонные фирмы и радиостанции настаивают, чтобы каждый артист числился под какой-нибудь одной рубрикой — хард-рок, или кантри, или джаз. У каждого ансамбля появляется, таким образом, своя узкая аудитория. Мне думается, это обедняет артиста. Наша группа стремится быть универсальной, исполнять любые стили поп-музыки. Возможно, именно в этом секрет нашей популярности как концертирующего ансамбля. Выступаем же мы по-прежнему чаще всего в рабочих клубах, но также и на крупных эстрадах. Для любого английского певца самая большая честь — дать концерт в лондонском «Палладиуме». В этом году мы были удостоены ее. Правда, в зале было всего 250 человек. В СССР наши концерты на открытых эстрадах собирали до 10 тысяч слушателей.

РИЧАРД. В «Палладиуме» я пел в прошлом году в течение пяти недель ежедневно. Каждый год — в октябре, ноябре—совершаю турне по Великобритании, выступая перед самой различной аудиторией, и залы всегда переполнены. Когда-то меня слушала только молодежь, теперь на концертах можно увидеть людей от 15 до 50 лет. Наверное, рок повзрослел.

Мне жаль людей, которые признают только один стиль в музыке, и артистов, специализирующихся только в одном стиле. Их творческая жизнь обычно очень коротка. По-моему, мне удалось продержаться 18 лет на эстраде потому, что я все время экспериментировал, не боялся браться за новые для меня музыкальные жанры. Я увлекался негритянскими «госпелз», песнями в стиле «соул» и рок-н-роллом. В Москве и Ленинграде я выступаю точно так же, как и в Англии: с тем же оркестром, в той же манере. Мне жаль только, что я не знаю русского языка, и поэтому не получается такого живого общения с залом, как в Англии. Там во время концертов я обмениваюсь репликами и шутками с публикой, стараюсь вовлечь зрителей в процесс «делания» музыки. Меня привлекает рок именно тем, что он как бы объединяет исполнителей и слушателей, создает атмосферу непринужденности и раскованности. Но я, конечно, знаю, что существует и другая крайность. Рок может быть очень опасен. Нередко его намеренно используют для того, чтобы взвинтить подростков, а массовая истерия часто ведет к насилию.

«РОВЕСНИК». Вероятно, вы имеете в виду прежде всего психоакустические атаки, которые иные рок-группы ведут против слушателя. Но сейчас мы говорим о лучших исполнителях этого жанра, о той самой атмосфере общения, которая возникает между ними и аудиторией. Не кажется ли вам, что она, эта атмосфера, часто исчезает в записях, как бы совершенно технически они ни были сделаны? Почему на Западе существует ныне довольно четкое деление на записы-

«ДОУЛИ ФЭМИЛИ» — «СЕМЬЯ ДОУЛИ». «У нас в семье вообще-то 10 детей. Во время больших стирок все помогали матери, а чтобы было веселее, пели. Так родилась наша группа», — говорит Фрэнк Доули, который играет на гитаре-соло, сочиняет музыку и аранжирует все номера ансамбля. В 1974 году «Доули фэмили» была присуждена премия «Золотой Оскар» как лучшему концертирующему ансамблю Великобритании.

КЛИФФ РИЧАРД — певец, композитор, литератор и драматический актер. Снимался в 20 фильмах, играл во многих театральных и телевизионных постановках. Среди его дисков 5 золотых и более 20 серебряных. «Я рос вместе с поп-музыкой, главное для певца — чувствовать время, но еще важнее не терять собственного лица. И выкладываться в каждом концерте на 100 процентов».

вающихся и концертирующих артистов? К примеру, группа «Доули» признана одним из самых лучших в Англии концертирующих ансамблей, но не числится ни в одном «хит-параде»?

ДОУЛИ. Да, сегодня прорваться в высшую двадцатку начинающим ансамблям очень трудно, ибо в «чартс» в основном значатся только группы, специализирующиеся на записях. Самое сложное — найти талантливого продюсера и звукооператора, которые изъявили бы желание потратить немало времени, чтобы записать с вами отличную пластинку. Ведь, скажем, лучшая наша группа «Куин» порой тратит по полгода на запись одной только вещи. Эти записи стоят сотни тысяч фунтов. И естественно, «Куин» приходится все чаще отказываться от выступлений на сцене, где они не могут добиться такого звучания, как в студии. Безусловно, техника записи фантастически выросла. Например, один исполнитель записывает тему в пяти и более гармониях, а при помощи многократного наложения достигается такой эффект, что, кажется, слышишь не один голос, а целый хор. Но вот что поразительно — каких бы новых звучаний ни изобретала та или иная группа, как только пластинка выходит в свет, мгновенно другие звукооператоры в точности имитируют ее, используя самых посредственных артистов. Получается, что в споре между техникой и самобытностью исполнителя побеждает первая, ибо любой высокопрофессиональный записывающийся ансамбль, будь то «Куин» или «Лед Зеппелин», легко поддается имитации. Возможно, это происходит потому, что и в самих оригиналах недостает той неповторимой свежести, той, что ли, первозданности, какую мы ощущаем в лучших записях «Битлз» или Боба Дилана.

АЙЛА СЕН-КЛЕЙР. На сцене с двухлетнего возраста. С 11 лет регулярно участвует в телевизионных шоу, в последние годы ведет еженедельную радиопрограмму. Исполняет народные песни и песни протеста. «Марш Джона Маклина», посвященный выдающемуся шотландскому борцу за дело рабочего класса и первому консулу Советской России в Глазго, — ее любимая песня. С большим успехом прошли гастроли Сен-Клейр в США и Канаде, а первая долгоиграющая пластинка получила высокую оценку музыкальных критиков.

СЕН-КЛЕЙР. Мне думается, у любителей музыки происходит своего рода пресыщение техникой. Некоторые записи даже слишком совершенны, ибо одну и ту же фразу или аккорд можно переписывать десятки раз, пока не достигнешь абсолютно точного звучания. Но они кажутся вам холодными. Не случайно некоторые фирмы снабжают свои пластинки рекламой «Рекордед стрейт» — «Прямая запись». По мне же, какие бы синтезаторы ни придумывали, самым популярным инструментом остается акустическая гитара с ее индивидуальным звучанием. Лучшие исполнители рок-музыки все чаще выходят на эстраду с акустической гитарой и поют вещи, в которых слова столь же важны, что и мелодия и ритм. Вообще, в поп-музыке наблюдается поворот к лирике, романтизму, естественности. Именно поэтому так популярны сейчас народные песни.

РИЧАРД. Искусство записи и концертного исполнения так же различны, как, скажем, живопись и театр. Когда я смотрю на картины импрессионистов в Эрмитаже, я не думаю о том, сколько сил, крови, пота художник вложил в это произведение. Их шедевры мне отнюдь не кажутся холодными потому, что каждая деталь доведена до совершенства. В этот момент я только переживаю те чувства, которые хотел мне передать художник. Так же и с записью. Мы стремимся создать произведения, которые будут жить вечно. И слушатель не должен знать, какой огромный труд вложен артистом, звукооператором, режиссером. Скажем, целую неделю мы можем записывать только партию ударных, а потом сделать многократное наложение аккордов гитары так, что кажется, звучит орган или челеста. Когда же вы слушаете диск, все технические сложности пропадают, вы и чувствуете только то, что хотел вам передать артист.

Что касается имитаций, то ведь и великих художников копируют. Да, у нас в Англии процветает целая индустрия имитаторов. Продаются диски не только под «Куин», но и под «Битлз», и под Дилана — так называемые «пластинки для пикников». Они раскупаются, потому что стоят очень дешево, но внимательный слушатель всегда отличит их от оригинала. Настоящий артист может и должен сочетать запись в студиях и выступления на эстраде.

«РОВЕСНИК». Однако здесь, как можно понять, встает проблема средств?

РИЧАРД. Конечно, деньги нужны. Сейчас я, например, могу себе позволить по нескольку месяцев в году тратить на одну запись, и у меня прекрасный продюсер Брюс Уэлч. Последняя пластинка «Я почти знаменит» меня вполне удовлетворяет.

«РОВЕСНИК». Что же определяет успех поп-артистов? Старый вопрос: талант или случай? Почему многие бит-группы взлетают на большую сцену и умирают, как мотыльки? Каким образом вы сами достигли популярности?

АЙЛА. Меня нашел радиопродюсер, когда мне было 11 лет, ему понравился мой детский голос и то, что уже тогда я могла петь длинные, в 20 куплетов, баллады. Но я вовремя поняла, что детский голос рано или поздно сломается и интерес к моему пению у продюсеров пропадет. Тогда я стала серьезно заниматься музыкой, брала уроки у лучших гитаристов, расширяла свой репертуар. Конечно, помогли мои связи с радио, я веду специальную детскую передачу.

ДОУЛИ. Наш ансамбль — это действительно очень дружная семья. Все делаем сообща: вместе обдумываем репертуар, аранжировку песен и режиссуру наших выступлений. Хороший ансамбль — это прежде всего сильный коллектив. Когда «Битлз» были вместе, они дополняли друг друга, сглаживали недостатки, присущие каждому из них. Порознь им очень трудно найти собственное лицо и достигнуть таких вершин в музыке. Мы знаем, что сплоченность — залог нашего успеха.

РИЧАРД. Случай, удача! Я не верю в это. Я верю только в упорство и каждодневный труд. Я лично не представляю для себя другой карьеры, и если бы все начать сначала, я снова пошел бы на эстраду и, может быть, медленно, через много лет, но все равно добился бы успеха. Конечно, иногда определенные встречи, знакомства могут помочь. При желании хороший продюсер может сделать звезду из посредственного певца. Вот, к примеру, в США одно время был очень популярен певец Фабиан. Реклама создала образ, спекулируя исключительно на его внешности. И девочки расхватывали первую пластинку с ослепительной фотографией красавчика Фабиана. Но вот вышла вторая пластинка, и все поняли — король-то голый. А когда цветы увяли, никакой художник не сделает из них хороший букет. Если бы я хоть на один месяц прекратил работу и потерял форму, обо мне никто бы уже не вспомнил. Профессионализм — это прежде всего дисциплина. Восемнадцать лет мне потребовалось, чтобы создать пластинку «Я почти знаменит», которая вошла в первую пятерку в США. Это вы называете удачей?

«РОВЕСНИК». А как к вам пришла слава?

РИЧАРД. О, это было еще в 1958 году. Мы с нашей любительской группой «Дрифтерс», которая потом стала называться «Шедоуз», выступали по рабочим клубам Лондона. Я случайно встретил Норри Парамура из фирмы «Коламбиа» и показал ему свою запись, которая обошлась мне в огромную сумму... 6 фунтов. Норри она понравилась, и «Коламбиа» выпустила мою первую пластинку, имевшую мгновенный успех. Вот это действительно была удача! Впрочем, вы, кажется, поймали меня на слове...

Беседу вел А. МЕССЕРЕР

Главный редактор А. А. НОДИЯ.

Редакционная коллегия: В. Л. АРТЕМОВ, С. М. ГОЛЯКОВ, И. В. ГОРЕЛОВ (зам. главного редактора), О. А. ГОРЧАКОВ, В. В. ГРИГОРЬЕВ, М. А. ДРОБЫШЕВ, В. П. МОШНЯГА, Б. А. СЕНЬКИН.

Художественный редактор О. С. Александрова.
Оформление М. М. Ракитнина.
Технический редактор В. Н. Савельева.

Адрес редакции: Москва, 103104, Спиридоньевский пер., 5. Телефон 290-36-55. Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 20/IX 1976 г. Подп. к печ. 26/X 1976 г. А14640. Формат 60×90 1/8. Печ. л. 3 (усл. 3). Уч.-изд. л. 5,2. Тираж 470 000 экз. Цена 20 коп. Заказ 1632.

Типография ордена Трудового Красного Знамени изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

«Имя — Раймон Пелихеро Санчес.
Псевдоним — «Раймон».
Год рождения — 1940.
Место рождения — город Хатива, провинция Валенсия.
Образование — высшее, окончил философский факультет Валенсийского университета.
Профессия — певец».

Так или примерно так (не скрою, форму я домыслил) начиналось «дело», заведенное франкистской полицией на певца Раймона, «виновного в подрывной политической деятельности». Но само «дело» это существует взаправду, как и резолюция по «делу»: «запретить на вечные времена петь на территории Испании». И дата — 18 мая 1968 года. «Подрывная деятельность» Раймона заключалась в том, что он пел песни протеста.

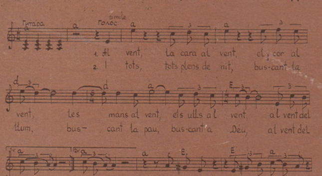
Только времена для запрещавших оказались не вечными. И вот 5 февраля 1976 года Раймон вновь выступил в Мадриде, в спортивном зале «Реал». Цензура, правда, и сейчас вмешалась — оставила всего 16 песен из 40 стоявших в программе. Но сам концерт запретить уже не могла.

Одна из шестнадцати песен, спетых тогда Раймоном, — «Навстречу ветру».

Б. СИМОРРА

НАВСТРЕЧУ ВЕТРУ

МУЗЫКА РАЙМОНА ПЕЛИХЕРО САНЧЕСА
СТИХИ ГАБРИЭЛЯ СЕЛАЙЯ
РУССКИЙ ТЕКСТ Л. ВОРОПАЕВОЙ

1. Вперед, мой друг,
Вперед, навстречу ветру.
Путь твой и мой
Среди ветров лежит,
Среди тревог лежит.

2. Иди, мой друг,
Сквозь ночь навстречу свету,
И силы мрака
Не остановят нас.
Пробьет рассветный час.

3. Землею,
Где правит злая ночь,
Ты в горе, в беде рожден.
Повсюду
Лишь плач и стон.
Так будем жить борьбою
За свет. Вперед!
(Повторить 1-й и 2-й куплеты.)

Цена 20 коп.
Индекс 70781